

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

ЭДГАР
АЛЛАН ПО

ЧЕРНЫЙ КОТ

Золотой век детектива

Эдгар По

Черный кот (сборник)

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

до 1849 г.

УДК 821.111(73)

По Э. А.

Черный кот (сборник) / Э. А. По — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», до 1849 г. — (Золотой век детектива)

ISBN 978-617-12-4867-0

Эдгар Аллан По – выдающийся американский писатель, литературный критик, прозаик и поэт. Именно его считают основателем детективного жанра. За свою жизнь он написал более семидесяти рассказов в жанре детектива, научной фантастики и литературы ужасов. Непревзойденный мастер мрачных историй с лихо закрученным сюжетом и захватывающей интригой, где атмосфера детектива переплетается с мистикой. Темные улицы, тишину которых разрывает чей-то предсмертный крик, загадочные убийства, которые под силу распутать только опытному сыщику. В сборник вошла повесть «Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета», рассказы «Черный кот», «Убийства на улице Морг», «Метценгерштейн», «Бес противоречия», «Ты еси муж», «Золотой жук», «Лигея», «Стук сердца», «Уильям Уилсон», «Береника» и «Сфинкс».

УДК 821.111(73)

ISBN 978-617-12-4867-0

© По Э. А., до 1849 г.
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», до 1849 г.

Содержание

Черный кот	6
Убийства на улице Морг	12
Бес противоречия	32
Ты еси муж	36
Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета	45
Предисловие	45
1	47
2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эдгар Аллан По

Черный кот

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Черный кот

История, о которой я собираюсь поведать, совершенно чудовищна и в то же время очень проста. Я не жду, что кто-то поверит, будто такое могло случиться, и не прошу об этом. С моей стороны было бы истинным безумием ожидать доверия, ибо мой собственный разум отказывается верить свидетельствам чувств. И все же я не безумен... и уж точно то, что произошло, мне не приснилось. Но завтра я умру и сегодня я хочу облегчить душу. Моя цель – в простых словах, кратко и без комментариев поведать миру о череде самых обычных событий, произошедших у меня дома. О череде событий, которые вселили в меня страх... заставили страдать... привели к гибели. Но я не стану пытаться объяснить, что произошло, ибо для меня то, что было, – неизъяснимый ужас... хотя многим это покажется не столько страшным, сколько *baroque*¹. Когда-нибудь, возможно, сыщется интеллект, который лишит пережитое мною иллюзий... какой-нибудь более сдержанный, более логический и гораздо менее возбудимый разум, чем мой, разум, который в тех обстоятельствах, о которых я вспоминаю с трепетом, увидит всего лишь обычную череду естественных причин и следствий.

С малых лет я отличался восприимчивостью и добротой. Мое мягкосердие было столь очевидно, что я даже превратился в своего рода посмешище для друзей. Особенно я любил животных, и благодаря потакавшим мне родителям у меня всегда были домашние любимцы, с которыми я проводил почти все время, и для меня не было большего удовольствия, чем кормить их и играть с ними. Эта особенность характера росла вместе со мной, и когда я повзрел, животные стали для меня одним из главных источников удовольствия. Тем, кто знает, что такое любовь преданной и умной собаки, не нужно объяснять, какую радость это может приносить. В бескорыстной и самоотверженной любви зверя есть что-то такое, что не может не волновать сердце того, кто имел возможность познать жалкую дружбу и призрачную привязанность, существующие между *людьми*.

Женился я рано и был рад узнать, что моя супруга разделяет мое увлечение. Видя, насколько для меня важно иметь домашнего любимца, она постоянно приносила в дом разных животных. У нас были птицы, золотая рыбка, породистый пес, кролики, обезьянка и *кот*.

Последний был большим и удивительно красивым животным, полностью черным и невероятно умным. Что касается его ума, то жена моя, хоть суеверностью и не отличалась, не раз вспоминала о старом поверье, будто каждая черная кошка – это принявшая облик животного ведьма. Не то чтобы она когда-либо относилась к этому *серьезно*, и я привожу эту подробность лишь потому, что сейчас есть повод об этом вспомнить.

Плутон (так звали кота) был моим любимцем. С ним я проводил больше всего времени. Только я кормил его, и он всегда сопровождал меня, когда я ходил по дому. Более того, мне даже стоило больших трудов не давать ему следовать за мной, когда я выходил на улицу.

Эта дружба продлилась несколько лет, но за это время мой характер и нрав полностью переменились, и перемена была недоброй, причиной чему стало (хоть мне и стыдно это признавать) неумеренное пристрастие к спиртному. С каждым днем я становился все мрачнее, все раздражительнее, меня все меньше беспокоили чувства других. Я стал позволять себе несдержанные высказывания в адрес жены. Со временем дошло даже до рукоприкладства. Питомцы

---

¹ Нелепым, вычурным (*фр.*).

мои, естественно, не могли не чувствовать, что со мной происходит. Я не только забросил их, но даже стал поднимать на них руку. Только к Плутону я сохранил уважение, не позволявшее мне обижать его, как я не моргнув глазом обижал кроликов, обезьянку и даже собаку, когда те случайно попадались мне на пути или ласкались. Но болезнь моя захватывала меня все сильнее (есть ли болезнь страшнее алкоголизма!), и теперь даже Плутон, который к тому времени уже начал стареть и сделался несколько капризен, даже Плутон начал страдать от моего испортившегося характера.

Однажды ночью, когда я сильно выпивший вернулся домой после очередной «вылазки» в город, мне показалось, что кот избегает меня. Все же я поймал его, и он, боясь, что я причиню ему боль, слегка укусил меня за руку. И тогда в меня будто вселился демон. Я перестал быть самим собой. Истинная душа моя в один миг покинула тело, и дьявольская злоба, подогреваемая выпитым джином, овладела мною. Я достал из кармана жилета перочинный нож, раскрыл его, взял несчастное животное за горло и вырезал ему один глаз. Когда я вспоминаю об этом чудовищном поступке, я сгораю от стыда, меня трясет и бросает в жар.

Наутро, когда разум вернулся ко мне, когда сон выветрил из моей головы винные пары ночной попойки, вспомнив о своем злодеянии, я испытал чувство, похожее одновременно на ужас и на раскаяние, но даже это чувство было слабым и каким-то смутным. Душа моя осталась холодна. Я снова взялся за бутылку и вскоре утопил в вине все воспоминания об этом поступке.

Со временем кот медленно пошел на поправку. Пустая глазница, правда, выглядела ужасно, но боли он, похоже, уже не испытывал. Он, как и раньше, разгуливал по всему дому, но, о чем нетрудно догадаться, едва заметив меня, тут же убегал в страхе. Какая-то частица прежнего меня еще сохранилась в моем сердце, поэтому очевидная неприязнь, которую теперь испытывало ко мне существо, раньше меня так любившее, поначалу очень печалила меня, но вскоре это чувство уступило место раздражению. А потом, словно в подтверждение моего окончательного упадка, мною овладел дух противоречия. Философы не задумываются над этим понятием. Но ничто не заставит меня усомниться в том, что дух этот является одним из главных побуждающих начал в человеческом сердце... одним из неотделимых первичных качеств или чувств, которые превращают человека в то, что он есть. Кто не совершал тысячу злых или глупых поступков только лишь потому, что знал: так поступать не следует? Разве не заложено в нас неискоренимое желание вопреки здравому разуму нарушать то, что зовется «Законом», по той единственной причине, что мы его считаем таковым? Я повторю еще раз, пробуждение духа противоречия ознаменовало мое окончательное падение. Это был тот непостижимый душевный порыв *«сделать хуже самому себе»*, совершить насилие над собственной природой... сотворить зло ради самого зла, который заставил меня продолжить и в конечном итоге довести до конца издевательство над безобидным животным. Однажды утром я хладнокровно накинул ему на шею петлю и повесил на ветке дерева... Когда я это делал, слезы текли у меня по щекам, сердце разрывалось на части... Я повесил его, так как знал, что он любил меня, и так как чувствовал, что он не дал мне ни единого повода так поступить с ним... Я повесил его, поскольку знал, что, делая это, я совершаю грех, страшный грех, который заставит, если такое вообще возможно, отвернуться от моей бессмертной души даже самого всемилостивого, самого страшного Бога.

Ночью того дня, когда был совершен этот жестокий поступок, меня разбудили крики о пожаре. Полог моей кровати был охвачен пламенем. Горел весь дом. Мне, моей жене и слуге лишь каким-то чудом удалось спастись от огня, но разрушение было полным. Погибло все, что у меня было, и с тех пор меня не покидало отчаяние.

Я не настолько слабодушен, чтобы усмотреть причину и следствие в своем злодеянии и случившейся беде. Но я излагаю факты в их последовательности и не хочу, чтобы из этой цепочки выпало хотя бы одно звено. На следующий день после пожара я пришел на руины. Все стены дома, кроме одной, рухнули. Осталась стоять лишь одна из внутренних стен между ком-

натами, изголовьем к которой стояла моя кровать. Штукатурка на ней большей частью выдержала воздействие огня. Я приписал этот факт тому, что недавно эту стену чинили, и штукатурка была еще свежей. У этой стены собралась довольно большая группа людей, которые, похоже, очень внимательно и с особым интересом рассматривали какую-то ее отдельную часть. Восклицания «Странно!», «Необычно!» и другие, подобные им, пробудили во мне любопытство. Я подошел к толпе и увидел на белой поверхности стены изображение огромного *кота*, которое, словно *bas-relief*², въелось в штукатурку. Изображение было в самом деле поразительно достоверным. На шее животного четко просматривалась веревка.

Едва я узрел этот призрак (а другим словом я не могу это назвать), необычайное удивление и ужас охватили меня. Но позже разум пришел мне на помощь. Я вспомнил, что кот был повешен в саду, примыкающем непосредственно к дому. Как только началась вызванная пожаром суматоха, в этом саду собралось множество людей, из которых кто-то, должно быть, перерезал веревку и бросил животное в открытое окно моей комнаты. Возможно, это было сделано для того, чтобы разбудить меня. При падении остальные стены могли впечатать жертву моей жестокости в свежую штукатурку. Содержащаяся в ней известь вместе с огнем и аммиаком, выделяемым мертвым телом, и привели отпечаток в тот вид, в котором я его увидел.

Объяснив подобным образом этот удивительный факт, я успокоил свой разум (но не совесть), и все же это произвело на меня очень большое впечатление. Несколько месяцев меня преследовал призрак этого кота, и я снова испытал некое смутное чувство, которое было похоже на раскаяние, но не им являлось. Я дошел до того, что пожалел о том, что лишился этого кота, и в грязных притонах, где проводил теперь все больше времени, стал подыскивать другое животное того же вида и сходной наружности, которое могло бы занять его место.

Однажды вечером, когда, доведя себя почти до беспамятства, я сидел в пивной более чем сомнительной репутации, мое внимание неожиданно привлек какой-то черный предмет, лежащий на огромной бочке то ли джина, то ли рома, которая была главным предметом мебели в этом помещении. Я уже несколько минут смотрел на эту бочку и сильно удивился, что не заметил лежащего на ней предмета раньше. Я подошел и прикоснулся к нему рукой. Это был кот... огромный черный кот, не меньше Плутона и очень на него похожий, с одним лишь различием. У Плутона на всем теле не было ни одной белой шерстинки, а у этого кота было большое, хотя и нечеткое белое пятно почти во всю грудь. Как только я прикоснулся к нему, он сразу встал, громко заурчал и потерся о мои пальцы. Похоже, ему было приятно, что я обратил на него внимание. Это было именно то, что я искал, поэтому я тут же предложил хозяину заведения купить животное, но он ответил, что это кот не его, он о нем ничего не знает и никогда раньше не видел.

Я еще немного погладил его, а когда собрался уходить, животное явно вознамерилось составить мне компанию. Я позволил ему следовать за мной, и, пока мы шли домой, я время от времени наклонялся и ласкал его. Дома он освоился сразу и быстро стал любимцем моей жены.

Я же вскоре почувствовал, что во мне растет неприязнь к этому существу, хотя ожидал отнюдь не этого. Не знаю, как или почему, но его явная любовь ко мне сделалась мне противна и скоро начала сильно раздражать. Мало-помалу ощущение отвращения и раздражения переросло в злость и ненависть. Я стал избегать кота, но некоторое чувство вины и воспоминания о своем прошлом жестоком поступке удерживали меня от того, чтобы обижать его. Несколько недель я его не бил и вообще не прикасался к нему, но постепенно, очень постепенно, его вид стал вызывать у меня непередаваемое отвращение. Я избегал его навязчивого присутствия, бежал от него, как от дыхания чумы.

Одной из причин, по которой я возненавидел кота еще больше, несомненно, стало то, что на следующее утро после того, как я привел его к себе домой, выяснилось, что у него, как

---

² Барельеф (*фр.*).

и у Плутона, нет одного глаза. Впрочем, это обстоятельство сделало его только дорожкой для моей жены, которая, как я уже говорил, была в большой степени наделена той душевной добротой, которая когда-то была моей главной отличительной чертой и благодаря которой раньше я столько раз испытывал простую и чистую радость.

Но похоже, что по мере того, как росло мое отвращение к этому коту, его привязанность ко мне только усиливалась. Он не отступал от меня ни на шаг, с упрямством, которое трудно описать, следовал за мной буквально повсюду. Если я садился, он забирался под стул или запрыгивал мне на колени и начинал тошнотворно ластиться. Если я вставал, чтобы пойти на прогулку, он путался у меня под ногами, из-за чего я чуть не падал, а то и впивался длинными острыми когтями в одежду и вскарабкивался по ней мне на грудь. В такие минуты, хоть меня и терзало жгучее желание уничтожить его одним ударом, я не делал этого, частично из-за воспоминания о своем прошлом преступлении, но в основном – лучше признаться в этом сразу, – потому что я жутко боялся этого создания.

Страх мой не был боязнью какого-то определенного несчастья... хотя, как иначе его определить, я не знаю. Мне почти стыдно признаться... да, даже здесь, в тюремной камере, я почти испытываю стыд, говоря о том, что страх и ужас, внушаемые мне этим животным, были приумножены одной из самых незначительных химер, которые можно себе представить. Жена не раз указывала мне на белую отметину на груди кота, о которой я упоминал и которая была единственным видимым различием между этим странным существом и тем, которое я погубил. Читатель помнит, что пятно это хоть и было большим, имело неопределенную форму, однако постепенно, настолько незаметно, что долгое время разум мой отказывался верить в то, что это не игра воображения, тем не менее через какое-то время пятно это оформилось в четкий контур. Теперь по форме оно было неотлично от предмета, название которого заставляет меня содрогнуться – и за одно это я больше всего ненавидел, боялся его и избавился бы от этого чудовища, если бы осмелился, – теперь это было изображение отвратительной... жуткой вещи... теперь на груди кота было отчетливо видно изображение ВИСЕЛИЦЫ! Мрачного и жуткого орудия ужаса и преступления... устройства, несущего агонию и смерть!

Отныне жизнь моя превратилась в муку, невыносимее самых страшных страданий, кои когда-либо испытывал смертный. Жалкая тварь, собрата которой я уничтожил с презрением, *тварь* эта причинила мне – мне, *человеку*, сотворенному по образу и подобию Всевышнего, столько неизъяснимого горя! Увы, с тех пор ни днем, ни ночью я не испытывал покоя, я навсегда утратил это благословение. Днем это существо ни на миг не оставляло меня, а по ночам, пробуждаясь ежечасно от мучавших меня нестерпимых кошмаров, я ощущал его жаркое дыхание у себя на лице и чувствовал огромный вес тела – воплощенный ужас, который сбросить с себя я был не в силах, – я чувствовал огромный вес тела, возлежащего на моем *сердце*!

Под тяжестью подобных адовых мучений ничтожные остатки добра, которые еще оставались у меня в душе, умерли. Злые помыслы, самые темные и отвратительные думы стали моими единственными спутниками. Привычная для меня угрюмость обернулась ненавистью ко всему и ко всем; и самой частой и самой безропотной жертвой моих многочисленных и внезапных приступов безотчетной ярости, которым я слепо поддавался, увы, была моя несчастная жена.

Однажды по какой-то хозяйственной надобности она спустилась вместе со мной в подвал старого здания, в котором нужда вынудила нас ютиться. На ступеньках крутой лестницы меня догнал кот и стал крутиться под ногами, из-за чего я едва не свалился вниз. Это привело меня в бешенство. Не помня себя и позабыв тот детский страх, который до сих пор сдерживал меня, я схватил топор и замахнулся. Удар, конечно же, стал бы для животного смертельным, если бы достиг цели, но мою руку остановила жена. Ее вмешательство привело меня в какое-то адское исступление. Я выдернул руку и вонзил топор ей в голову. Она упала, не издав ни звука.

Совершив это жуткое убийство, я тотчас стал думать, как избавиться от тела. Понятно было, что ни днем, ни ночью вынести его из дома я не мог, потому что в любое время меня

могли увидеть соседи. Разные мысли приходили мне в голову. Поначалу я думал изрубить тело на куски и сжечь. Потом подумал было закопать его в подвале. Затем я решил бросить труп в колодец во дворе. Еще у меня возник план запаковать его в коробку, оформить как посылку и вызвать носильщика, который вынес бы его из дома. Наконец я остановился на том, что показалось мне гораздо лучшей идеей, чем все остальные. Я вознамерился замуровать его в стенах подвала, как это делали средневековые монахи со своими жертвами.

Для подобной цели подвал подходил как нельзя лучше. Стены в нем были шаткие, и совсем недавно их покрыли грубой штукатуркой, которая еще не успела высохнуть из-за влажности воздуха. Более того, в одной из стен имелась ниша: раньше там, должно быть, находилось нечто вроде фальшивого дымохода или очага, но сейчас это место было заложено и ничем не отличалось от остальных стен подвала. Я не сомневался, что смогу легко разобрать кладку, поместить туда труп и снова заложить стену так, что никто не заметит ничего подозрительного. И в своих расчетах я не ошибся. Вооружившись ломом, я легко разобрал кирпичи, потом аккуратно поместил в нишу тело, прислонил его к внутренней стене и подпер его в таком положении. Выстроить стену так, как она выглядела раньше, было нетрудно. Соблюдая всяческие предосторожности, я принес в подвал известку, песок и паклю, приготовил штукатурку, неотличимую от прежней, и замазал ею новую кладку. Закончив, я остался доволен своей работой. Ничто во внешнем виде стены не указывало на то, что ее недавно разбирали. Строительный мусор на полу я тщательно убрал. Осмотревшись вокруг, я в полном восторге сказал себе: «Ну вот, по крайней мере, мой труд не пропал даром».

Следующим моим делом было найти создание, ставшее причиной стольких бед, потому что наконец я решил казнить его. Если бы в тот миг кот попался мне под руку, участь его была бы определена, но, похоже, коварное животное, испугавшись моего припадка ярости, спряталось. Невозможно описать и даже представить, какое благословенное облегчение принесло мне отсутствие этой мерзкой твари. Ночью кот не пришел, так что, по крайней мере, один раз со дня его появления в моем доме, я получил возможность выспаться. Сон был глубоким и спокойным, даже несмотря на тяжесть убийства на душе!

Прошел еще день, за ним еще один, а мой мучитель так и не появлялся. Я снова начал дышать свободно. Чудовище в страхе навсегда покинуло мой дом! Больше я его не увижу! Радость моя не знала границ. Чувство вины за совершенный поступок почти не тревожило меня. Кое-кто меня спрашивал, куда запропастилась моя супруга, но я заранее подготовил ответы, так что отделаться от любопытствующих было нетрудно. Дом даже подвергся обыску, но, разумеется, ничего найдено не было. Я не сомневался, что в будущем меня ждет полное благоденствие. На четвертый день после убийства ко мне неожиданно нагрянула полиция. Они еще раз тщательно осмотрели весь дом и прилегающий участок. Впрочем, полностью уверенный в том, что труп спрятан надежно, я не чувствовал ни малейшего смущения. По настоянию офицеров во время обыска я держался рядом с ними. Они осмотрели каждый уголок, каждую нишу. Наконец в третий или четвертый раз они спустились в подвал. Я пошел с ними, и на моем лице не дрогнул ни один мускул. Мое сердце билось спокойно, как у спящего праведника. Сложив руки на груди, я неторопливо прохаживался по подвалу. Полностью удовлетворившись, офицеры приготовились уходить. Радость, которую я ощущал на сердце, была слишком сильна, чтобы я мог ее сдержать. Для полноты торжества меня так и подмывало что-нибудь сказать, чтобы их уверенность в моей невиновности удвоилась.

— Господа, — когда офицеры стали подниматься по лестнице, произнес наконец я, — я рад, что сумел развеять ваши подозрения. Желаю вам всего наилучшего, будьте здоровы и чуточку повежливее. Кстати, господа... а дом у меня очень надежный, — испытывая непреодолимое желание произнести что-нибудь непринужденным тоном, я почти не задумывался над тем, что говорю. — Я бы даже сказал *изумительно* надежный. Эти стены... Вы торопитесь, господа? Эти стены строились на совесть...

И тут, опьяненный бравадой, я с силой постучал тростью по той самой кладке, за которой стоял замурованный труп моей жены.

Да защитит меня Господь от клыков врага рода человеческого! Едва звук удара стих, из глубины склепа мне ответил голос. Плач... Поначалу приглушенный и прерывистый, как нытье ребенка, он быстро превратился в один долгий, громкий, непрекращающийся вопль... совершенно нечеловеческий и жуткий. Пронзительный, исполненный не то безраздельного ужаса, не то безудержного ликования, визг, который мог исходить только из преисподней... Вой, который могут исторгнуть лишь глотки проклятых, обреченных на вечные мучения, и демонов, упивающихся их страданиями.

Глупо говорить, что я почувствовал в тот миг. Покачнувшись, я отпрянул и вжался в противоположную стену. На какой-то миг люди на лестнице замерли, охваченные безотчетным страхом. А в следующее мгновение дюжина крепких рук навалилась на свежую кладку. Стена рухнула, и взору полицейских во весь рост предстал труп, уже сильно разложившийся и весь покрытый запекшейся кровью. На голове его, разинув красную пасть и сверкая единственным глазом, восседало адское создание, чьи происки подтолкнули меня к убийству и чей предательский голос отправил меня в руки палача. Я замуровал чудовище в склеп вместе с телом!

Убийства на улице Морг

*Что за песню пели сирены, или какое имя носил Ахиллес, скрываясь
среди женщин, – вопросы сложные, все же ответ на них попытаться
найти можно.*

Сэр Томас Браун

Умственные способности, которые принято называть аналитическими, сами по себе с трудом поддаются анализу. Мы осознаем их только по результату, которого с их помощью удалось добиться. Помимо прочего, известно, что для того, кто наделен ими в большой степени, они являются источником истинной радости. Как физически сильный человек находит удовольствие в своей силе, радуясь тем занятиям, которые требуют мышечного напряжения, так и аналитик наслаждается умственной работой, которая, что называется, «развязывает руки». Даже самые обычные занятия, позволяющие проявить свои способности, приводят его в восторг. Этот человек любит всяческие загадки, головоломки, шифры и проявляет в их решении такую проникаемость, которая обычным людям кажется сверхъестественной. Полученные результаты, достигаемые путем использования четких и вполне определенных методов, кажутся основанными на интуиции.

Умение принимать решения, возможно, во многом подкрепляется математическим даром, в особенности тем наивысшим его проявлением, которое несправедливо и исключительно на основании обратного характера его действий именуется анализом *par excellence*³. И все же, для того чтобы анализировать, недостаточно просто уметь считать. К примеру, шахматист проделывает одно, даже не пытаясь заняться другим. Из этого следует, что представление об игре в шахматы, как очень полезной для ума, не всегда соответствует действительности. Но я пишу не научный трактат, а всего лишь предисловие к довольно необычному рассказу и основываю свои мысли на достаточно разрозненных наблюдениях, поэтому воспользуюсь случаем, чтобы заявить: незамысловатость шашек является гораздо более сильным и полезным стимулом для проявления высшей силы мыслящего разума, чем продуманная изощренность шахмат. В последних, где все фигуры ходят по-разному и имеют свой, к тому же изменяющийся вес, сложность принимается за глубину (обычная ошибка). Внимание играющего здесь целиком устремлено на игру. Стоит ему хоть на секунду отвлечься, и он может допустить оплошность, которая приведет к значительному ухудшению положения, а то и к проигрышу. Многообразие и сложность ходов лишь увеличивают шансы совершить подобную оплошность, и в девяти случаях из десяти побеждает тот игрок, который внимательнее, а не тот, который способнее. В шашках же, где ходы единообразны и почти не имеют вариаций, возможность ошибиться в результате недосмотра значительно меньше, и во время игры внимание практически роли не играет, превосходства добивается тот, кто сообразительней. Чтобы было понятнее, давайте представим себе игру в шашки, где на доске осталось четыре дамки; возможность случайной ошибки, разумеется, исключим. Вполне очевидно, что победа здесь (при условии, что силы игроков равны) будет достигнута только благодаря какому-нибудь *recherché*⁴ ходу, в результате сильного напряжения разума. Лишенный привычных ресурсов, аналитик представляет себя на месте своего противника, отождествляет себя с ним и таким образом зачастую получает возможность с первого взгляда увидеть те комбинации (порой на удивление простые), которые дадут ему возможность заставить противника допустить просчет.

---

³ В высшей степени проявления (*фр.*).

⁴ Продуманный, тонкий (*фр.*).

Давно замечено, что вист оказывает влияние на то, что называют математическими способностями. Многие люди, наделенные интеллектом наивысшего порядка, находят в этой игре необъяснимое удовольствие, считая шахматы слишком легкомысленным занятием. Вне всякого сомнения, ни одна другая игра не требует от играющих таких аналитических способностей, как вист. Лучший в мире шахматист может не обладать никакими другими выдающимися способностями, но мастерство в висте дает возможность добиться успеха в любой иной более важной области, где происходит столкновение интеллектов. Говоря «мастерство», я подразумеваю то совершенство в игре, которое включает в себя понимание всех источников, из которых может сложиться допустимое преимущество. Они не только многочисленны, но и разнообразны и нередко заключены в таких укромных уголках мысли, которые для обычного игрока совершенно недоступны. Тот, кто внимательно следит, точно запоминает, поэтому можно сказать, что шахматист, умеющий полностью сосредоточиться на игре, скорее всего, будет прекрасным игроком в вист, тем более, что правила Хойла (сами по себе основанные на механике игры) достаточно понятны и однозначны.

Таким образом, основным залогом хорошей игры в вист считаются крепкая память и четкое следование правилам. Однако второе условие еще не определяет таланта истинного аналитика. Во время игры он молча наблюдает и делает выводы. Однако, возможно, так же поступают и остальные участники игры, поэтому разница в объеме полученной информации по большому счету зависит не столько от глубины умозаключений, сколько от внимательности наблюдателя. Очень важно знать, за чем следует наблюдать. Наш игрок ничем себя не ограничивает, так же как (поскольку главное все-таки – игра) не отбрасывает он и выводы, сделанные на основании факторов, не имеющих прямого отношения к игре. Он замечает выражение лица партнера, тщательно сравнивая его с выражениями лиц каждого из противников. Обращая внимание на то, кто как держит в руке карты, иногда по одним лишь взглядам, которые играющие бросают на свои карты, узнает, сколько у кого козырей и какого достоинства. Во время игры он подмечает малейшее изменение лиц; выражение уверенности, удивления, ликования или огорчения для него – повод для размышления. По тому, как рука берет взятку, аналитик узнает, может ли игрок, взявший ее, получить еще одну той же масти. Он узнает о хитрости противника по тому, как тот бросает на стол карту. Нечаянное или неосторожное слово, случайно выпавшая или перевернутая карта, то, с каким чувством (волнением или беспечностью) игрок пытается эту карту скрыть, подсчет взяток с учетом их порядка, смущение, неуверенность, рвение или волнение – все это указывает ему на истинное положение вещей, хотя сам он этого может даже не осознавать. После первых двух-трех ходов он уже знает, какие на руках карты, и далее играет так уверенно, как если бы остальные участники играли в открытую.

Аналитические способности не следует путать с обычной находчивостью, поскольку, если аналитик в обязательном порядке находчив, то далеко не каждый находчивый человек способен анализировать. Умение придумывать или комбинировать, в котором чаще всего и выражается находчивость, и за которое, по мнению френологов (как я полагаю, ошибочному), считающих эту способность первичной, отвечает отдельный внутренний орган, до того часто встречается у тех, чей интеллект в остальном граничит с дебилизмом, что это даже привлекло к себе внимание писателей, затрагивающих темы морали и нравственных устоев. Разница между находчивостью и аналитическими способностями имеет тот же характер, что и разница между фантазией и воображением, только отличие это намного глубже. В самом деле, нетрудно заметить, что люди находчивые – всегда фантазеры, но действительно развитым воображением наделены исключительно аналитики.

Следующий рассказ для читателя станет чем-то вроде пояснения к изложенному суждению.

Весну и часть лета 18... я провел в Париже, где и познакомился с неким месье Ш. Огюстом Дюпенем. Этот юный господин был потомком знатного, даже знаменитого рода, однако

после череды неблагоприятных обстоятельств он оказался в такой нужде, что заложенная в нем от природы энергия покинула его и он совершенно перестал интересоваться обществом или думать о том, как вернуть былое богатство. Благодаря любезности кредиторов ему была оставлена небольшая часть отцовского состояния, и тот скромный доход, который она приносила, позволял ему при условии строжайшей экономии сводить концы с концами, не задумываясь над тем, как поступать с избытком средств. Строго говоря, единственным, что все еще доставляло ему удовольствие, были книги, а в Париже доставать книги нетрудно.

Наша первая встреча состоялась в небольшой библиотеке на улице Монмартр, куда нас с ним привели поиски одной и той же замечательной и очень редкой книги. Мы начали видеться чаще, и меня очень заинтересовала его семейная история, которую он весьма подробно изложил мне с той откровенностью, в которую впадают французы, когда разговор заходит о них самих. Кроме того, меня поразила его необыкновенная начитанность, но самое главное – его неукротимый пыл и свежесть воображения заставили меня почувствовать необычный душевный подъем. Мне, занятому в Париже своими собственными интересами, показалось, что общество этого человека будет для меня поистине бесценной находкой, и я откровенно признался ему в этом. В конце концов мы решили, что, пока я нахожусь в городе, мы будем жить вместе, и, поскольку мои обстоятельства были не такими стесненными, как у него, мне было позволено взять на себя расходы на аренду и обстановку в стиле, соответствующем нашей общей с ним задумчивой хандре, причудливого, изъеденного временем дома, который из-за каких-то суеверий, в суть которых вникать мы не стали, давно был оставлен предыдущими жильцами и доживал свой век в уединенном и безлюдном районе Сен-Жерменского предместья.

Если бы люди узнали, как мы с ним жили в этом месте, нас бы посчитали сумасшедшими... Впрочем, возможно, сумасшедшими безобидными. Наше затворничество было полным. Гостей мы не принимали, более того, я тщательно скрывал от своих прежних знакомых местоположение нашего убежища, а о Дюпене в городе давно позабыли, да и сам он уже много лет не вспоминал о парижском обществе. Мы с ним существовали в своем собственном мире.

У моего друга была одна странная причуда (как еще я могу это назвать?): его притягивала к себе Ночь; постепенно этой *bizarrerie*⁵, как и всем остальным его странностям, поддался и я, позволив его диким чудачествам захватить себя с головой. Черная богиня не желала находиться с нами постоянно, но мы могли подделать ее присутствие. С первым лучом зари мы закрывали все грязные ставни старого здания, зажигали пару тонких свечек, которые источали сильный аромат, но отбрасывали лишь слабый, призрачный свет, и погружались в полусон, читали, писали или беседовали, пока бой часов не предупреждал нас о приближении истинной Тьмы. После этого мы рука об руку отправлялись на улицу, продолжая дневные разговоры, или бродили до самой поздней ночи, уходя далеко в поисках того бесконечного возбуждения, которое может дать разуму созерцание диких огней и теней многолюдного города.

В такие минуты я не мог не восхищаться удивительным аналитическим даром Дюпена, хотя, хорошо зная умозрительную природу его мышления, был к этому готов. Ему и самому, похоже, доставляло искреннее удовольствие если не выставлять напоказ, то, по крайней мере, демонстрировать свои способности, и он никогда не скрывал, какую при этом испытывал радость. С негромким отрывистым смешком он говорил мне, что видит большинство людей насквозь, как если бы у них на груди было окно, через которое ему не составляло труда заглянуть им в душу, и, как правило, подтверждал это заявление каким-нибудь прямым и в высшей степени удивительным доказательством того, что моя собственная душа для него – открытая книга. Когда разговор доходил до этой точки, он обычно становился холодно-отстраненным, взгляд его устремлялся вдаль, в то время как голос, обычно глубокий тенор, срывался на фаль-

⁵ Странность, причудливость (*фр.*).

цет, который можно было бы посчитать недовольным, если бы не четкость и ясность произношения. Глядя на него в таком настроении, я часто вспоминал старинное философское учение о двойственности души и развлекался тем, что представлял себе Дюпена, распавшегося на две части: созидательную и разрушительную.

Не подумайте, будто за тем, что я рассказал, кроется какая-нибудь загадка, я вовсе не собираюсь превращать своего знакомого в некий романтический образ. Все описанные мною качества француза были всего лишь следствием работы его возбужденного, а возможно, и нездорового разума. Впрочем, лучше всего понять, что представляли собой его реплики во время таких разговоров поможет пример.

Однажды ночью мы прогуливались по длинной и грязной улице неподалеку от Пале-Рояль. Мы оба были погружены в свои мысли, и, по меньшей мере, минут пятнадцать никто из нас не произнес ни звука. Затем совершенно неожиданно Дюпен нарушил молчание следующими словами:

– Действительно, при его-то росте он бы лучше шел в театр «Варьете».

– Да уж, это точно! – Я был настолько погружен в размышления, что ответил не задумываясь, поначалу даже не заметив, до чего точно его слова совпали с моими мыслями. В следующую секунду я уже пришел в себя, и моему удивлению не было предела. – Дюпен, – серьезно сказал я, – это выше моего понимания. Признаюсь откровенно, вы меня совершеннейшим образом озадачили. Я просто поражен! Как вам удалось узнать, что я думал о... – Тут я замолчал, чтобы убедиться, что он действительно знает, о ком я думал.

– ...о Шантильи, – подхватил он. – Почему вы замолчали? Вы про себя отметили, что его небольшой рост не подходит для трагических ролей.

Именно об этом я и думал. Шантильи – *quondam*⁶ сапожник с улицы Сен-Дени, увлекшись сценой, попробовал себя в роли Ксеркса в одноименной трагедии Кребийона, но, несмотря на старание, получил разгромные отзывы критиков.

– Ради всего святого, – воскликнул я, – скажите, какой метод вы использовали... (если вы использовали какой-нибудь метод), чтобы вот так влезть мне в душу.

На самом деле удивлен я был даже больше, чем хотел показать.

– На мысль о том, – ответил мой друг, – что этот чинильщик подошв не обладает достаточным ростом, чтобы играть Ксеркса *et id genus omne*⁷, вас навел торговец фруктами.

– Торговец фруктами? Вы меня поражаете... Но я не знаю ни одного торговца фруктами.

– Человек, который столкнулся с вами, когда мы вышли на эту улицу... Минут пятнадцать назад.

Тут я вспомнил, что действительно какой-то торговец фруктами, несший на голове большую корзину с яблоками, случайно чуть не сбил меня с ног, когда мы сворачивали с С. на ту улицу, по которой сейчас шли. Тем не менее, какое отношение это имело к Шантильи, для меня оставалось загадкой.

Дюпен не имел склонности к *charlatanerie*⁸.

– Я объясню, – сказал он. – И, чтобы вам было понятнее, для начала мы восстановим ход ваших размышлений с той секунды, когда я заговорил, до самой *rencontre*⁹ с упомянутым торговцем. Основные звенья этой цепочки таковы: Шантильи, Орион, доктор Николь, Эпикур, стереотомия, булыжники, торговец фруктами.

Немного найдется таких людей, которые хотя бы раз в жизни не восстанавливали шаг за шагом ход своих мыслей, приведший их к тому или иному заключению. Это довольно увлека-

---

⁶ Бывший (*лат.*).

⁷ И ему подобных (*лат.*).

⁸ Шарлатанство (*фр.*).

⁹ Встреча (*фр.*).

тельное занятие, и тот, кто проделает это впервые, будет поражен тем, казалось бы, безграничным расстоянием и полным отсутствием связи между отправной точкой и последней мыслью. Можно представить, какое меня охватило удивление, когда я услышал эти слова француза и вынужден был признать, что они в точности соответствуют действительности. Он продолжил:

– Если я правильно помню, сворачивая с С., мы разговаривали о лошадях. Это последняя тема, которую мы с вами обсуждали. Когда мы выходили на улицу, мимо нас стремительно прошел торговец фруктами с большой корзиной на голове, он толкнул вас на кучу булыжников рядом с тем местом, где ремонтируют мостовую. Вы наступили на один из камней, поскользнулись, слегка растянули лодыжку, то ли рассердились, то ли расстроились, пробормотали несколько слов, повернулись и посмотрели на груды булыжников и молча пошли дальше. Я не следил за вами специально, но в последнее время у меня появилась привычка внимательно наблюдать за всем, что происходит рядом со мной. Вы шли, не поднимая глаз с дороги, с раздражением поглядывая на дыры и выбоины в мостовой (я понял, что вы все еще думаете о камнях), пока мы не дошли до Ламартин, узкого переулочка, который в качестве эксперимента замостили находящими друг на друга и сколоченными блоками. Тут ваше лицо просветлело, и, заметив движение ваших губ, я не мог не понять, что вы пробормотали слово «стереотомия», термин, которым для пущей важности нарекли такой род мостовой. Я знал, что вы не могли произнести слово «стереотомия», не вспомнить об атомах, а значит, и об учении Эпикура. Поскольку, когда недавно мы обсуждали эту тему, я, кажется, говорил, каким удивительным образом смутные догадки этого достойнейшего грека нашли подтверждение в позднейшей небулярной космогонической теории (хотя почти никто не придал этому значения), я подумал, что вы непременно должны посмотреть на огромную туманность в Орионе, и, разумеется, стал ждать, когда вы это сделаете. И вы действительно взглянули вверх, чем и дали мне понять, что я верно следую за ходом ваших мыслей. Но в той язвительной статейке о Шантильи во вчерашнем номере «Мюзик» автор позволил себе некоторые отвратительные замечания по поводу того, что сапожник, встав на котурны, попытался изменить само свое имя и вспомнил латинское высказывание, о котором мы с вами часто говорили. Я имею в виду «*Perdidit antiquum litera prima sonum*»¹⁰. Я объяснял вам, что эти слова относятся к Ориону, который раньше писался Урион, и, поскольку мы пошутили по этому поводу, я посчитал, что вам это должно было запомниться и вы непременно соедините вместе два понятия: Орион и Шантильи. Усмешка, скользящая по вашим губам, подсказала мне, что я не ошибся. Вы подумали о том, что несчастный сапожник стал жертвой бессердечного зоила. До сих пор вы все время шли сутулясь, но тут распрямили спину, вытянули шею, и понял, что вам представилась миниатюрная фигурка Шантильи. В этот миг я и прервал ваши раздумья замечанием о том, что он, этот Шантильи, в самом деле, очень невысок, и ему лучше было бы попробовать себя в театре «Варьете».

Вскоре после этого мы как-то просматривали вечерний выпуск «Газетт де Трибюн», где наше внимание привлекла следующая заметка:

«Загадочные убийства»

Сегодня утром, около трех часов, жители квартала Сен-Рок были разбужены душераздирающими криками, доносящимися из окна пятого этажа одного из домов на улице Морг, в котором, как известно, проживали некая мадам Л'Эспанэ с дочерью мадемуазель Камиллой Л'Эспанэ. После некоторой задержки, вызванной безуспешными попытками попасть в здание обычным путем, в ход был пущен лом, дверь удалось взломать, и восемь-десять соседей в сопровождении двух жандармов проникли в дом. К этому времени крики прекратились, но

¹⁰ Первая буква уничтожила былое звучание (лат.).

бросившиеся наверх люди, пробегая первый лестничный пролет, слышали еще, по меньшей мере, два грубых голоса, которые как будто доносились из верхней части здания и, похоже, о чем-то яростно спорили. Когда достигли второго лестничного пролета, эти звуки стихли, и больше ничего не было слышно. Группа рассредоточилась, люди стали заглядывать во все комнаты. Когда дошли до большой комнаты в глубине дома (дверь ее оказалась заперта, ключ вставлен в замочную скважину изнутри, поэтому ее пришлось взламывать), открывшаяся картина не только ужаснула всех присутствующих, но и удивила.

В помещении царил полнейший беспорядок, поломанная мебель разбросана по всей комнате. Здесь была только одна кровать, снятая со стойки и брошенная на пол. На стуле лежала окровавленная бритва, к каминной полке, которая тоже была вся в крови, прилипли две или три длинных седых пряди человеческих волос, и, похоже, что они были вырваны с корнем. На полу валялись четыре наполеондора, серьга с топазом, три больших серебряных ложки, три ложки поменьше из *métal d'Alger*¹¹ и два мешка, в которых находилось почти четыре тысячи золотых франков. Ящики стоящего в углу комода были выдвинуты, в них явно рылся грабитель, хотя многие вещи остались не тронутыми. Небольшой железный сейф обнаружили под постелью (не под кроватной стойкой). Он был открыт, в двери все еще торчал ключ. Внутри сейфа ничего, кроме нескольких писем и других маловажных бумаг, не оказалось.

Никаких следов мадам Л'Эспанэ видно не было, однако, после того как в камине заметили необычное количество сажи, решили исследовать дымоход, и в нем (это даже жутко представить!) нашли труп дочери, головой вниз. Его с силой втолкнули на довольно большое расстояние по узкому проходу вверх, где он и застрял. Тело было еще теплым. Когда его осматривали, во многих местах обнаружили содранную кожу, что, несомненно, указывало на то, с какой силой его заталкивали в дымоход и извлекали оттуда. Лицо было жестоко исцарапано, на горле виднелись темные кровоподтеки и глубокие следы ногтей, как будто жертву задушили насмерть.

Проведя тщательный осмотр всего дома и более ничего не обнаружив, группа направилась на небольшой мощеный задний дворик, где оказался труп старшей из женщин. Ее горло было перерезано так, что, когда тело попытались поднять, голова оторвалась. И тело, и голова были страшно изувечены, причем первое до такой степени, что почти не напоминало человеческое.

Насколько нам известно, пока что нет ни малейшего ключа к решению этой страшной загадки».

На следующий день в той же газете появились дополнительные подробности:

«Трагедия на улице Морг

В связи с этим загадочным и жутким делом было опрошено множество человек, однако пока не обнаружилось ничего, что могло бы пролить на него свет. Ниже мы приводим все факты, которые удалось установить на основании свидетельских показаний.

Полина Дюбур, прачка, показывает, что была знакома с обеими погибшими три года, в указанный период стирала их вещи. Престарелая дама и ее дочь были в хороших отношениях, очень любили друг друга. Платили всегда исправно и щедро. О том, как и на какие средства они жили, ей неизвестно. Полагает, что мадам Л. зарабатывала предсказанием будущего. Поговаривают, что она откладывала деньги. В доме посторонних она не встречала, ни когда заходила забирать одежду в стирку, ни когда возвращала ее. Уверена, что слуг они не держали. Ни одна из комнат в доме, кроме той, что на пятом этаже, не меблирована.

---

¹¹ Алжирский металл (*фр.*).

Пьер Моро, владелец табачной лавки, показывает, что почти четыре года продавал небольшими порциями мадам Л'Эспанэ курительный и нюхательный табак. Сам он родился в этом же районе и всю жизнь прожил неподалеку. Погибшая и ее дочь занимали дом, где были найдены их тела, больше шести лет. До них там проживал ювелир, который сдавал верхние комнаты внаем. Само здание принадлежало мадам Л. Ей не понравилось, в каком порядке жилец содержал ее собственность, поэтому она сама вселилась в дом, вовсе отказавшись от сдачи комнат. Старуха, похоже, впала в детство. За последние шесть лет свидетель видел ее дочь раз пять или шесть. Женщины вели очень уединенный образ жизни. Ходили слухи, что у них водились деньги. В разговорах соседей слышал, что мадам Л. была гадалкой, однако не верил. Ни разу не видел, чтобы в дом входил кто-нибудь, кроме старухи, ее дочери, посыльного (раз, может быть, два) и врача (раз восемь-десять).

Многочисленные другие свидетели и соседи дают примерно такие же показания. Никто не бывал в этом доме часто; есть ли у мадам Л. и ее дочери ныне здравствующие родственники, неизвестно. Ставни на окнах, выходящих на улицу, открывались редко; окна, выходящие на задний двор, были закрыты всегда. Единственное исключение – окно большой комнаты в глубине здания на пятом этаже. Сам дом не старый и в хорошем состоянии.

Изидор Мюзе, жандарм, показывает, что был вызван к дому около трех часов утра, увидел у двери два или три десятка человек, которые пытались проникнуть внутрь. Через какое-то время дверь удалось открыть при помощи штыка (не лома). Сделать это оказалось несложно, поскольку это двойная, или складная дверь и ни сверху, ни снизу на засовы закрыта не была. Крики продолжались все время, пока дверь взламывалась, а прекратились неожиданно. Похоже, что кричавший или кричавшие испытывали страшную боль: крики были громкими и затихающими постепенно, а не короткими и быстрыми. Свидетель первым устремился наверх. Дойдя до первой лестничной площадки, услышал два голоса, громко и раздраженно спорящих: один – хриплый и сердитый, второй – визгливый, очень странный голос. Разобрал несколько слов, произнесенных первым голосом, который явно принадлежал французу. Совершенно уверен, что первый голос не был женским. Разобрал слова «sacré» и «diable»¹². Визгливый голос принадлежал иностранцу. Сказать с уверенностью, мужской или женский голос, не может. Что произносил второй голос, не разобрал, но думает, что говорили по-испански. Состояние комнаты и тел свидетель описывает так же, как и мы во вчерашнем номере.

Анри Дюваль, сосед, по профессии – серебряник, показывает, что был одним из первых, кто вошел в дом. В целом подтверждает показания Мюзе. После того как первой группе удалось проникнуть в подъезд, дверь снова заперли изнутри, чтобы не впустить толпу, которая быстро вырастала у входа, несмотря на столь ранний час. Визгливый голос, по мнению свидетеля, принадлежал итальянцу. Совершенно уверен, что не французу, однако утверждать, что голос был мужским, не может. Допускает, что голос мог быть женским. С итальянским языком не знаком. Слов не разобрал, но по звучанию совершенно точно определил, что говоривший – итальянец. С мадам Л. и ее дочерью был знаком лично, часто беседовал с обеими. Уверен, что визгливый голос не принадлежал ни одной из них.

Оденгеймер, ресторатор. Этот свидетель сам вызвался дать показания. По-французски не говорит, поэтому допрашивался через переводчика. Постоянно проживает в Амстердаме. Проходил мимо дома в то время, когда из него слышались крики. Продолжались они несколько минут, возможно, десять. Крики были продолжительными и громкими. Очень страшными, леденящими душу. Один из тех, кто первым вошел в дом. Подтверждает показания предыдущего свидетеля во всем, кроме одного. Уверен, что визгливый голос принадлежал мужчине, французу. Что было сказано, не разобрал. Голос был громким и быстрым, отрывистым. Говоривший явно был одновременно напуган и разозлен. Голос резкий, не столько визгливый,

¹² «Чертов», «дьявол» (фр.).

сколько резкий. Визгливым назвать такой голос не может. Хриплый голос несколько раз повторил «sacré» и «diable», один раз произнес «mon Dieu»¹³.

Жюль Миньо, банкир, заведение «Миньо и сын» на улице Делорен. Старший из Миньо. У мадам Л'Эспанэ были сбережения. Весной ... года (восемь лет назад) открыла счет в его банке. Часто вносила небольшие суммы, но ничего не снимала. Впервые взяла деньги за три дня до смерти, лично сняв со счета четыре тысячи франков. Эта сумма была выплачена золотом и доставлена на дом служащим банка.

Адольф Ле Бон, служащий банка «Миньо и сын», показывает, что в тот день, около полудня, сопровождал мадам Л'Эспанэ до ее дома с четырьмя тысячами франков, уложенными в два мешка. Когда дверь открыли, вышла мадемуазель Л. и приняла из его рук один из мешков, в то время как старшая из женщин взяла второй. После этого он попрощался и ушел. На улице в это время не заметил никого. Улочка маленькая, очень пустынная.

Вильям Берд, портной, показывает, что был в составе группы, первой проникшей в дом. Англичанин. В Париже проживает два года. По лестнице поднялся одним из первых. Слышал спорящие голоса. Хриплый голос принадлежал французу. Несколько слов разобрал, но сейчас все вспомнить не может. Отчетливо услышал «sacré» и «mon Dieu». В какой-то момент слышал звук, как будто боролись несколько человек, звук драки, возни. Визгливый голос был очень громким, громче, чем хриплый голос. Уверен, что это был голос не англичанина. Больше похож на голос немца. Мог быть женским. Немецкого языка свидетель не знает.

Четверо из вышеуказанных свидетелей при повторном допросе показали, что дверь комнаты, в которой было найдено тело мадемуазель Л., когда группа до нее добралась, была заперта изнутри. Стояла полная тишина, не слышалось ни стонов, ни шума, ни каких-либо иных звуков. Когда дверь взломали, в комнате не оказалось никого. Окна и передней, и дальней комнаты были опущены и надежно заперты изнутри. Межкомнатная дверь закрыта, но не заперта. Дверь, ведущая из коридора в переднюю комнату, была заперта изнутри на ключ, вставленный в замочную скважину со стороны комнаты. На том же пятом этаже в передней части здания в начале коридора имеется еще одна небольшая комната, дверь в нее была приоткрыта. Эта комната завалена старыми кроватями, коробками и т. д. Все эти вещи аккуратно извлекли и внимательно осмотрели. Ни в одном из помещений здания не осталось и квадратного дюйма, который не осмотрели бы самым тщательным образом. Дымоходы проверили щетками. Здание пятиэтажное, с чердаками (мансардами). Люк, выходящий на крышу, крепко заколочен гвоздями, судя по его состоянию, не открывался уже несколько лет. Показания свидетелей относительно того, сколько прошло времени с момента, когда затихли спорящие голоса, до того, когда была взломана дверь в комнату, разнятся. Самое меньшее названное время – три минуты, самое большее – пять минут. Дверь удалось открыть с трудом.

Альфонсо Гарсио, гробовщик, показывает, что проживает на улице Морг. Испанец. Был в составе группы, вошедшей в дом. Наверх не поднимался: у него слабые нервы и ему нельзя волноваться. Спорящие голоса слышал. Хриплый голос принадлежал французу. Что было сказано, не разобрал. Визгливый голос принадлежал англичанину. В этом уверен. Английского языка не знает, но судит по звучанию.

Альберто Монтани, кондитер, показывает, что одним из первых поднялся по лестнице. Спорящие голоса слышал. Хриплый голос принадлежал французу. Несколько слов разобрал. Говоривший как будто в чем-то упрекал другого. Слов, произнесенных визгливым голосом, не разобрал. Речь была быстрой и отрывистой. Думает, что это мог быть русский. Общие показания подтверждает. Итальянец. С русскими никогда не разговаривал.

Некоторые из опрошенных свидетелей припомнили, что дымоходы во всех комнатах на пятом этаже были слишком узкими, чтобы через них мог протиснуться человек. Под «щет-

¹³ О Боже (фр.).

ками» подразумевались цилиндрические щетки, которыми пользуются трубочисты для прочистки труб. Эти щетки были пропущены через все трубы в здании. Черного хода, по которому кто-нибудь мог бы спуститься, пока группа поднималась наверх, нет. Тело мадемуазель Л. было так крепко втиснуто в дымоход, что извлечь его оттуда удалось только совместными усилиями четырех-пяти человек.

Поль Дюма, врач, показывает, что его вызвали освидетельствовать тела примерно на рассвете. Когда он прибыл, оба тела лежали на матрасе, снятом с кровати в той комнате, в которой нашли труп мадемуазель Л. Тело младшей из женщин было сильно ободрано и имело множественные ссадины и кровоподтеки. Тот факт, что ее затолкали в дымоход, вполне объясняет появление подобных следов. На горле имелись особенно сильные ссадины. Прямо под подбородком заметил несколько глубоких царапин рядом с несколькими синевато-багровыми пятнами, наверняка следами пальцев. Лицо было совершенно белым, глазные яблоки вылезли из орбит. Язык частично прокушен. На подложечной ямке обнаружил большой синяк, очевидно, оставленный коленом. По мнению месье Дюма, мадемуазель Л'Эспанэ была задушена насмерть неизвестным лицом или лицами. Труп матери был страшно изувечен. В той или иной степени пострадали все кости правой ноги и руки. Левая tibia¹⁴ во многих местах раздроблена, так же как и большинство ребер с левой стороны. Все тело покрыто большими синяками и ссадинами. Определить, что могло нанести такие травмы, невозможно. Тяжелая деревянная дубинка или широкий железный прут, стул, любой большой, тяжелый и тупой предмет мог оставить такие следы, если бы находился в руках очень сильного мужчины. Женщина нанести удары такой силы не смогла бы никаким орудием. Голова жертвы, когда ее осматривал свидетель, была полностью отделена от тела и тоже сильно пострадала. Горло перерезано очень острым предметом, возможно, бритвой.

Александр Этьенн, хирург, был вызван для осмотра тел вместе с месье Дюма. Показания и выводы месье Дюма подтверждает.

Было опрошено еще несколько человек, но более никаких существенных дополнений не получено. В Париже еще не совершалось убийства более загадочного и необъяснимого... если убийство это было совершено человеческими руками. Полиция в полной растерянности, что очень необычно для такого рода дел. Нет ни единой зацепки, которая могла бы подсказать хоть какое-нибудь решение».

В вечернем выпуске газеты сообщалось, что жители квартала Сен-Рок по-прежнему обеспокоены, что проведен повторный осмотр места преступления и свидетелей допросили еще раз, но это не дало никаких результатов. Лишь в дополнении к статье указывалось, что был задержан и взят под стражу Адольф Ле Бон, хотя, кроме фактов, уже изложенных, ничто не указывает на его причастность к этому делу.

Дюпена, похоже, необычайно заинтересовал ход расследования. По крайней мере, так мне показалось по его поведению, поскольку сам он не говорил ничего. Только после того, как стало известно об аресте Ле Бона, он спросил у меня, что я думаю об этих убийствах.

Я мог только согласиться с остальными парижанами в том, что они представляются неразрешимой загадкой. Я не видел ровным счетом ничего, что могло бы вывести на след убийцы.

– Мы не должны судить о том, что произошло, – сказал Дюпен, – по результатам осмотра места происшествия. Парижская полиция, которую так превозносят за ее «догадливость», на самом деле всего лишь пронырлива и не более того. Действия ее совершенно лишены методичности, они видят не дальше собственного носа и думают только о том, что происходит сейчас, в данную минуту. Они трубят на весь свет о том, что предпринимаются все необходимые «меры» и «шаги», но в действительности меры эти часто настолько не соответствуют решаемым вопро-

¹⁴ Большая берцовая кость (лат.).

сам, что поневоле вспоминаешь месье Журдена, который *pour mieux entendre la musique*¹⁵ требовал подать свой *robe de chambre*¹⁶. Не так уж редко результаты их работы вправду удивляют, но чаще всего за этим стоят всего лишь усердие и настойчивость. Когда эти качества не приносят плодов, все их расчеты идут насмарку. Видок, к примеру, был догадлив и деятелен. Но, не обладая тренированным мозгом, он постоянно ошибался, и причиной этому был именно напор, с каким он подходил к расследованию. Он слишком пристально всматривался в одну точку и этим ограничивал свое же поле зрения. Что-нибудь одно он видел необычайно ясно, но при этом обязательно терял из виду общую картину. Я хочу сказать, что, когда копаешь слишком глубоко, это тоже не всегда правильно. Правда не всегда обитает на дне колодца. Я даже могу сказать, что, когда речь идет о более серьезных областях знаний, искать ее всегда надо на поверхности. Глубина находится в долинах, в которых мы ищем ее, а не на вершинах гор, с которых мы ее видим. Есть прекрасный пример того, какие бывают виды и источники ошибок такого рода. Это созерцание небесных тел. Если бросать на звезду быстрые взгляды, направленные чуть-чуть в сторону (то есть обратить на нее наружный край сетчатки, более восприимчивый к слабым световым образам, чем внутренний, что дает возможность увидеть ее отчетливее, чем если смотреть прямо на нее), то блеск звезды воспринимается полностью, и чем «прямее» наш взгляд, тем более тусклым становится блеск. При этом во втором случае на глаз падает большее количество лучей, но в первом восприятие их чище. Излишней вдумчивостью мы усложняем работу мысли и ослабляем ее. Даже Венера может исчезнуть с небесного свода, если всматриваться в нее слишком внимательно, слишком долго или слишком прямо.

Что касается этих убийств, давайте-ка мы сами осмотрим место происшествия, прежде чем делать какие-либо выводы. Думаю, это будет забавно (мне показалось, в данном случае слово это не очень к месту, но я промолчал), и, кроме того, Ле Бон однажды оказал мне услугу, за которую я ему благодарен. Поедем, увидим все собственными глазами. Я знаком с Г., префектом полиции, так что получить необходимое разрешение будет несложно.

Разрешение было получено, и мы, не откладывая дело в долгий ящик, сразу же отправились на улицу Морг. Это одна из самых захудалых улочек между улицами Ришелье и Сен-Рок. Район этот расположен достаточно далеко от того квартала, где жили мы, поэтому до места мы добрались уже довольно поздно. Сам дом разыскать было нетрудно, поскольку напротив него до сих пор еще стояла группа зевак, с любопытством глазевших на его закрытые ставнями окна. Это был самый обыкновенный парижский дом с маленьким подъездом, рядом с которым стояла застекленная будка с поднимающейся панелью в окне, *loge du concierge*¹⁷. Прежде чем войти, мы прошли дальше по улице, свернули в переулок, потом снова свернули и оказались с задней стороны дома. При этом Дюпен осматривал окрестности и само здание с пристальным вниманием, которому я не находил объяснения.

Снова выйдя на улицу, мы подошли к двери, позвонили и после того, как предъявили дежурным соответствующее разрешение, нас пустили. Мы поднялись на пятый этаж, в ту комнату, где было найдено тело мадемуазель Л'Эспанэ и где до сих пор еще лежали оба трупа. Как обычно, в комнате был сохранен беспорядок. Все, что я увидел, в точности совпадало с описанием в «Газетт де Трибюн». Дюпен тщательно все исследовал, в том числе и тела жертв, после чего мы прошли в другую комнату, потом спустились во двор. Все это время рядом с нами находился жандарм. Осмотр продолжался дотемна, потом мы ушли. По пути домой мой компаньон ненадолго заглянул в редакцию одной из дневных газет.

¹⁵ Чтобы лучше воспринимать музыку (*фр.*).

¹⁶ Халат (*фр.*).

¹⁷ Привратничья (*фр.*).

Я уже упоминал о многочисленных причудах моего друга и о том, что *je les ménageais*¹⁸ (в английском языке нет точного соответствия этой фразе). Теперь ему почему-то пришло в голову обрывать все мои попытки начать разговор об убийстве, заговорил он о нем только на следующий день, в полдень, когда неожиданно спросил меня, не заметил ли я чего-нибудь «особенного» на месте преступления.

Не знаю почему, но то, как он произнес слово «особенное», заставило меня вздрогнуть.

– Нет, ничего «особенного» я не заметил, – ответил я. – По крайней мере, ничего такого, чего бы мы уже не знали из газеты.

– Боюсь, что «Трибюн», – сказал он, – не постигла всей необычности этого ужасного происшествия. Но давайте забудем досужие домыслы сего издания. У меня создается впечатление, что эту загадку считают неразрешимой по той самой причине, которая в действительности указывает на то, что дело это очень простое. Я имею в виду саму чудовищность преступления. Полицию поставило в тупик отсутствие мотива, но объясняющего не само убийство, а его жестокость. Кроме того, они никак не могут сопоставить спорившие голоса с теми фактами, что наверху не оказалось никого, кроме убитой мадемуазель Л'Эспанэ, и что не было способа покинуть комнату, оставшись не замеченным поднимающейся по лестнице группой. Полный разгром комнаты, труп, засунутый вниз головой в дымоход, жуткие раны старшей из женщин – этих соображений вместе с уже упомянутыми и другими, которые мне нет нужды перечислять, хватило, чтобы парализовать силы полиции и лишить хваленой проницательности лучших правительственных агентов. Они допустили грубую, но распространенную ошибку – посчитали необычное трудным для понимания. Но ведь именно благодаря таким отклонениям от обычного разум и находит путь к истине, если это вообще происходит. В расследованиях, подобных тому, которым мы сейчас занимаемся, стоит задаться вопросом не «что случилось?», а «что случилось такого, чего не случалось никогда раньше?». В сущности, легкость, с которой я приду, вернее, уже пришел к разгадке этой тайны, прямо пропорциональна ее кажущейся неразрешимости в глазах полиции.

Я ошеломленно уставился на своего друга, от удивления не в силах вымолвить ни слова.

– Сейчас я ожидаю, – продолжил он, взглянув на дверь комнаты, – ожидаю человека, который, возможно, и не совершал этой бойни, но некоторым образом причастен к ней. Вероятно, в худшей части преступлений он не повинен. Надеюсь, что я прав в этом предположении, поскольку именно на нем основывается мое прочтение этой загадки. С минуты на минуту я ожидаю увидеть его здесь, в этой комнате. Правда, он может и не прийти, но, по всей вероятности, придет, и, если он явится, его нужно будет задержать. Вот пистолеты, и мы с вами оба знаем, как пустить их в дело, если того потребуют обстоятельства.

Я взял пистолет, с трудом понимая, что делаю, и не веря своим ушам, а Дюпен продолжил рассуждения, больше напоминающие сценический монолог. Я уже отмечал, что в такие минуты он словно бы уходил в себя. Слова его были адресованы мне, но голос, хоть и совсем не громкий, звучал так, будто он говорил для кого-то, находящегося на значительном расстоянии. Взгляд его, не выражающий никаких чувств, был обращен в стену.

– То, что спорящие голоса, – сказал он, – которые слышала поднимающаяся по лестнице группа людей, не принадлежали женщинам, полностью подтверждено показаниями. То есть вопрос, могла ли старуха сначала лишить жизни дочь, а потом совершить самоубийство, отпадает. Об этом я говорю исключительно ради того, чтобы быть методичным, поскольку мадам Л'Эспанэ не могла обладать силой, достаточной для того, чтобы затолкать труп дочери в дымоход таким образом, и характер ран, обнаруженных на ее собственном теле, полностью исключает возможность самоубийства. Следовательно, убийство было совершено третьей стороной, и именно ссору участников этой третьей стороны слышали свидетели. Давайте теперь обра-

---

¹⁸ Я им потакал (*фр.*).

тимся... не к общим показаниям относительно услышанных голосов, а к тому «особенному», что в них имеется. Вы заметили в них что-нибудь особенное?

Я ответил, что все свидетели единодушно утверждали, что хриплый голос принадлежал французу, но мнения о том, кому принадлежал визгливый, или, как назвал его один человек, «резкий» голос, значительно разошлись.

– Вы говорите о самих показаниях, – сказал Дюпен, – но не об их особенности. То есть ничего необычного вы не заметили. Тем не менее в них было кое-что необычное. Свидетели, как вы отметили, соглашались насчет хриплого голоса, тут вопросов нет. Но, что касается визгливого голоса, особенность заключается не в том, что показания разнятся, а в том, что итальянец, англичанин, испанец, голландец и француз, пытаясь его описать, приписывали его иностранцу. Каждый из свидетелей уверен, что этот голос не мог принадлежать его соотечественнику. Каждый из них сравнивает его со звучанием не какого-то знакомого ему иностранного языка, а наоборот, незнакомого. Француз полагает, что это голос испанца, и «разобрал бы несколько слов», если бы понимал испанский. Голландец приписывает его французу, но мы знаем, что этот свидетель «французского языка не понимает, поэтому допрашивался через переводчика». Англичанин думает, что это голос немца, хотя «немецкого языка не знает». Испанец не сомневается, что голос принадлежал англичанину, но судит исключительно по его звучанию. Итальянец считает, что это был голос русского, хотя «с русскими никогда не разговаривал». Второй француз расходится во мнении с первым и склоняется к тому, что это был голос итальянца, но «не владея этим языком», как и испанец, судит «по его звучанию». Представьте, как необычно должен был звучать этот голос, чтобы вызвать такой сумбур в показаниях! Чтобы представители пяти стран Европы не услышали в нем ничего знакомого! Возможно, вы возразите, что это мог быть голос азиата или африканца. В Париже не так уж много азиатов и африканцев, но, не отрицая напрашивающегося вывода, я просто хочу привлечь ваше внимание к трем пунктам. Один из свидетелей называет голос «скорее резким, чем визгливым». Двое других указывают на то, что голос был «быстрым и отрывистым». Никто из свидетелей не слышал ни слов, ни звуков, похожих на слова.

Мне не известно, – продолжил Дюпен, – какое впечатление производят на вас мои рассуждения, но я нисколько не сомневаюсь, что даже этой части показаний (части, в которой говорится о хриплом и визгливом голосах) достаточно для того, чтобы сделать обоснованные выводы, которые сами по себе могут навести на подозрение, способное направить расследование этой загадки в нужное русло. Я сказал «обоснованные выводы», но это выражение не в полной степени передает смысл того, что я имел в виду. Я хотел сказать, что эти выводы – единственно верные и что подозрение возникает неизбежно как единственный результат. Впрочем, я пока умолчу о том, что это за подозрение. Я только хочу, чтобы вы помнили, что оно придало определенную форму, некую направленность моим розыскам в той комнате, где были совершены убийства.

Теперь давайте мысленно перенесемся в эту комнату. Что нас здесь интересует в первую очередь? То, каким образом убийцы ее покинули. Не будет преувеличением сказать, что ни вы, ни я не верим в сверхъестественное. Мадам и мадемуазель Л'Эспанэ были убиты не духами. Те, кто это сделали, были существами материальными и должны были уйти с места преступления согласно законам материального мира. Но как? К счастью, ответ на этот вопрос можно искать только в одном направлении. Давайте последовательно рассмотрим все способы, которыми можно было покинуть комнату. Ясно, что убийцы находились в той комнате, где было обнаружено тело мадемуазель Л'Эспанэ (или, по крайней мере, в соседней комнате), когда группа поднималась по лестнице. Следовательно, нас интересуют только эти две комнаты. Полиция сняла всю обивку с полов, потолков и стен, и если бы там был какой-нибудь тайный ход, он бы не укрылся от их внимания. Однако, не доверяя им, я сам там все осмотрел. Тайных ходов в этих комнатах действительно нет. Обе двери, ведущие из комнат в коридор, были заперты

на ключ изнутри. Обратимся к дымоходам. Они имеют обычную ширину, но футах в восьмидесяти над каминами сужаются настолько, что через них не пройдет и большая кошка. Следовательно, поскольку выход через них совершенно невозможен, остаются только окна. Через окна передней комнаты никто не мог выбраться незамеченным, поскольку на улице к тому времени уже собралась толпа и беглецов наверняка бы увидели. Значит, убийцы должны были выйти через заднюю комнату, с окнами во двор. Итак, придя к этому однозначному заключению, мы, как люди мыслящие, не должны отвергать его на том основании, что это кажется невозможным. Нам остается лишь доказать, что эта «невозможность» на самом деле мнимая.

В этой комнате два окна. Одно из них не загорожено мебелью и полностью доступно. Нижняя часть второго закрыта спинкой кровати, которая стоит к нему впритык. Первое из них было прочно закрыто изнутри. Никто из тех, кто пытался его открыть, не смог этого сделать. Как оказалось, на его раме, с левой стороны, просверлено большое отверстие, в которое вставлен толстый гвоздь, почти по самую шляпку. При осмотре второго окна было обнаружено такое же отверстие, куда был вставлен точно такой же гвоздь. Все попытки поднять раму этого окна также не увенчались успехом. Это полностью убедило полицию, что искать следы побега нужно в другом месте. Поэтому они и решили, что извлекать гвозди и открывать окна не имеет смысла.

Мой осмотр был более тщательным, и причину этого я только что указал: я знал, что то, что кажется невозможным, на самом деле таким не является.

Я стал рассуждать *a posteriori*¹⁹. Убийцы наверняка скрылись через одно из этих окон. И в этом случае они не могли закрепить раму изнутри (а ведь обе рамы были закреплены). Очевидность этого соображения пресекла дальнейшие поиски полиции в этом направлении. И все-таки обе рамы были закреплены. Значит, каким-то образом они должны закрываться автоматически. Этот вывод неизбежен. Я встал на свободный подоконник, с некоторым усилием извлек гвоздь и попытался поднять раму. Как я и ожидал, моим усилиям она не поддавалась. Я понял, что должна существовать потайная пружина. Эта догадка, по крайней мере, не опровергла моих изначальных предположений, несмотря на то что еще не было ясности с гвоздями. После внимательного осмотра я нашел пружину. Когда я нажал на нее и увидел, что она сработала, раму уже можно было не поднимать.

После этого я вернул на место гвоздь, предварительно внимательно его осмотрев. Тот, кто пролез через это окно, мог опустить за собой раму, и пружина закрыла бы ее, но гвоздь не мог сам встать на прежнее место. Вывод был очевиден, и он еще больше сужал круг моих изысканий. Убийцы бежали через второе окно. Если предположить, что потайные пружины на обоих окнах имели одинаковое устройство (что вполне вероятно), значит, разницу нужно было искать в гвоздях, или, по крайней мере, в том, как они крепились. Взобравшись на матрац, я внимательнейшим образом изучил ту часть рамы, которая находилась за спинкой кровати. Запустив туда руку, я нащупал потайную пружину и нажал. Как я и думал, она сработала точно так, как и ее соседка на другом окне. После этого я перешел к осмотру гвоздя. Он был таким же толстым, как и первый, и в отверстие вставлен точно так же, почти по самую шляпку.

Наверняка вы решите, что меня это озадачило, но, если подобная мысль пришла вам в голову, значит, вы не понимаете самой сути индуктивного мышления. Если говорить языком охотников, я ни разу «не потерял след». Во всей цепочке умозаключений не было ни единого слабого звена. Я проследил загадку до ее источника, и источником этим оказался гвоздь. Выглядел он в точности так же, как гвоздь в соседнем окне, но этот факт, каким бы убедительным он ни казался, не значил ровным счетом ничего по сравнению с моей уверенностью в том, что именно в этом предмете заключался ключ к разгадке всей тайны. «Что-то с этим гвоздем не так», – сказал я сам себе, прикоснулся к нему и легко вытащил из отверстия. Под

¹⁹ На основании опыта (лат.).

шляпкой был примерно дюйм стержня, остальная его часть, отломанная, оставалась внутри рамы. Поломан гвоздь был давно, на это указывала ржавчина на краях слома, и поломали его ударом молотка, который к тому же частично утопил шляпку в отверстие на верхней части нижней рамы. Я вернул этот обломок на прежнее место, и в таком положении он не отличался от целого гвоздя. Трещины видно не было. Нажав на пружину, я осторожно приподнял раму на несколько дюймов, шляпка гвоздя поднялась вместе с ней, оставаясь при этом на своем месте. Я закрыл окно, и снова гвоздь выглядел как целый.

Таким образом, загадка была решена. Убийца сбежал через окно над кроватью. Рама захлопнулась под собственным весом (или же была опущена намеренно), и потайная пружина защелкнулась. Ее противодействие полиция приняла за противодействие гвоздя, поэтому и посчитала дальнейшее обследование окна необязательным.

Следующий вопрос: каким образом убийцам удалось спуститься. Наша с вами прогулка вокруг здания дала мне удовлетворительный ответ. Примерно в пяти с половиной футах над интересующим нас подоконником проходит громоотвод. С него перебраться на окно, не говоря уже о том, чтобы проникнуть через него в дом, совершенно невозможно. Однако я обратил внимание на то, что на четвертом этаже на окнах установлены ставни того типа, который парижские плотники называют «*ferrades*»²⁰. Сейчас такие ставни мало кто ставит, но на старых домах в Лионе и Бордо их можно видеть достаточно часто. Они имеют форму обычной двери (одинарной, не двустворчатой), только нижняя часть у них зарешечена или имеет сквозные отверстия наподобие шпалеры, идеально подходящие для того, чтобы за нее можно было ухватиться руками. В нашем случае эти ставни довольно широкие, три с половиной фута. Когда мы видели их, обходя дом с задней стороны, на обоих окнах они были наполовину открыты, то есть выступали из стены под прямым углом. Возможно, полицейские тоже осматривали дом с тыльной стороны, но, если и так, то, глядя на эти «*ferrades*» в поперечном разрезе (скорее всего, так и было), они не обратили внимания на их необычную ширину, во всяком случае, не придали этому значения. Я не ошибусь, если скажу, что, придя к выводу о невозможности бегства через эти окна, ставни, естественно, внимательно осматривать они не стали. Мне же стало совершенно ясно, что ставень над кроватью, если его открыть полностью, так, чтобы он прислонился к стене, оказывался всего лишь в двух футах от громоотвода. К тому же было видно, что, при наличии определенной сноровки и смелости, при таком расположении ставня с громоотвода можно проникнуть в комнату через окно. С расстояния два с половиной фута (допустим, ставень был открыт полностью) грабитель мог ухватиться за прорези в его нижней части, потом отпустить громоотвод и упереться ногами в стену, после чего оттолкнуться от нее и перелететь на ставне к окну. Если предположить, что рама окна в это время была поднята, он мог даже качнуться и влететь прямо в комнату.

Я хочу, чтобы вы обратили особенное внимание на то, что проделать такой сложный и опасный трюк можно, лишь обладая очень большой ловкостью. Пока что моя цель – доказать вам, что, во-первых, в принципе, это возможно. А во-вторых (и это главное), я хочу, чтобы вы представили себе, какое поразительное, прямо-таки сверхъестественное проворство для этого требуется.

Несомненно, вы скажете, что, выражаясь языком адвокатов, «в моих интересах» недооценить трудность подобной затеи, а не настаивать на ее сверхсложности. Для суда это, может быть, обычное дело, но для здравого разума такой подход неприемлем. Моя единственная цель – истина. Сейчас мне нужно подвести вас к тому, чтобы вы сопоставили «очень большую ловкость», о которой я только что говорил, с «очень необычным» визгливым (или резким) и «неровным» голосом, который вызывал такие разногласия в показаниях свидетелей и в звучании которого не прослеживается разбиение на слоги.

---

²⁰ Клейма (*фр.*).

После этих слов Дюпена в голове у меня забрезжила какая-то смутная, оформившаяся лишь наполовину догадка. Я словно находился на краю понимания, но был не в силах понять все полностью. Так иногда кажется, что ты вот-вот что-то вспомнишь, но ничего не выходит. Мой друг тем временем продолжил рассказ:

– Как видите, от вопроса о выходе из здания я перешел к вопросу о входе в него. Я хотел показать, что они оба осуществлены одним и тем же способом, в одном и том же месте. Давайте вернемся к комнате. Вспомним, как она выглядела. Как говорилось в отчете, ящики комода были выдвинуты, в них явно рылись, хотя многие вещи остались нетронутыми. Но это не более чем догадка, причем довольно бестолковая. Откуда известно, что, кроме обнаруженного, в ящиках было что-то еще? Мадам Л'Эспанэ и ее дочь жили очень замкнуто, гостей не принимали, редко выходили из дома, богатый гардероб им был ни к чему. Вещи, найденные в комоде, были довольно приличного качества, и вряд ли бы у этих дам было что-то более дорогое. Если грабитель вообще что-то забрал, почему он не взял лучшее? Почему не взял все? Короче говоря, почему вместо того, чтобы забрать четыре тысячи золотых франков, он стал возиться с грудой тряпок? Золото ведь осталось. Почти вся сумма, названная банкиром месье Миньо, найдена в мешках на полу. Исходя из этого, я хочу, чтобы вы выбросили из головы ошибочное представление о мотиве, которое сформировалось в мозгах полицейских на основании той части свидетельских показаний, где речь идет о деньгах, доставленных к двери дома. Совпадения в десятки раз более необычные, чем это (доставленные деньги и случившееся спустя три дня убийство получателя), происходят с каждым из нас постоянно, но мы на них даже не обращаем внимания. Вообще, совпадения – это настоящий камень преткновения для того разряда мыслителей, которым неведомо понятие теории вероятностей, а ведь именно этой теории обязаны основные отрасли человеческих изысканий своими самыми яркими примерами. В нашем случае, если бы золото исчезло, факт его доставки за три дня до убийства превратился бы в нечто большее, чем совпадение. Он бы стал подтверждением такого представления о мотиве. Однако при данных обстоятельствах дела, если мы предположим, что мотивом преступления было золото, нам придется признать, что злоумышленник оказался нерешительным идиотом, который попросту забыл забрать свою добычу.

Теперь, помня все те пункты, на которые я обращал ваше особое внимание (странный голос, необычайная ловкость и необъяснимое отсутствие мотива для столь зверского преступления), давайте рассмотрим, как происходили сами убийства. Женщина была задушена голыми руками, ее труп затолкали в дымоход вниз головой. Обычные убийцы так не поступают. И уж тем более не избавляются от тел своих жертв подобным образом. Вы только представьте, в каком положении труп находился в дымоходе. Я думаю, вы согласитесь, что в этом есть что-то... *outré*²¹... что-то, совершенно выходящее за рамки нашего представления о поступках, на которые способен человек, пусть даже самый опустившийся. Подумайте также о том, какой силой нужно обладать, чтобы так затолкать тело в дымоход, что извлечь его оттуда удалось лишь совместными усилиями нескольких человек, и то с большим трудом.

Теперь давайте обратимся к еще одному примеру использования этой поразительной силы. На каминной полке лежали несколько густых прядей человеческих волос. Их вырвали с головы. Наверняка вы знаете, какая сила требуется для того, чтобы вырвать одновременно хотя бы двадцать-тридцать волосков. Вы не хуже меня видели эти пряди. На их корнях (действительно, жуткое зрелище!) остались куски кожи – верный признак того, какую невообразимую силу нужно было приложить для того, чтобы разом вырвать, возможно, полмиллиона волосков. Горло старухи было не просто перерезано, правильнее будет сказать, что ее голова была отсечена от тела, и сделано это было обычной бритвой. Воистину бесчеловечная жестокость, вы не находите? О кровоподтеках на теле мадам Л'Эспанэ я вообще не говорю. Месье Дюма и

²¹ Из ряда вон (*фр.*).

его многоуважаемый помощник месье Этьенн решили, что их оставило какое-то тупое орудие, и эти господа совершенно правы. Этим тупым орудием была каменная кладка во дворе, на которую упало тело из окна, расположенного над кроватью. Эта идея, какой бы простой она ни казалась, не пришла в голову полицейским по той же причине, по которой они не обратили внимания на ширину ставней: когда они увидели следы ногтей, мысль о том, что окна вообще могли открываться, уже не приходила им в голову.

Если ко всему этому добавить странный беспорядок в комнате, мы сможем соединить воедино необыкновенную ловкость, нечеловеческую силу, неистовую жестокость, полное отсутствие мотива, нелепость этого жуткого происшествия, своим зверством чуждого природе человека, и нечленораздельный голос, звучание которого не знакомо людям разных национальностей. Что из этого следует? Какое впечатление произвели на вас мои рассуждения?

Когда Дюпен задал мне этот вопрос, я содрогнулся от ужаса.

– Это сотворил сумасшедший, – сказал я. – Какой-нибудь обезумевший маньяк, сбежавший из ближайшего *maison de santé*²².

– В некоторой степени ваше предположение не лишено смысла. Однако голоса сумасшедших, даже во время самых сильных припадков, не звучат так, как свидетели описывают визжащий голос. Безумцы ведь тоже имеют национальность, и речь их, какими бы бессмысленными ни были их слова, всегда поддается членению на слоги. К тому же, волосы у сумасшедших не бывают похожими на те, которые я сейчас держу в руках. Я вытащил этот небольшой клочок из окоченевших пальцев мадам Л'Эспанэ. Что вы о них думаете?

– Дюпен! – ошеломленно воскликнул я. – Какие странные волосы... Но это не человеческие волосы!

– Я и не говорил, что они принадлежат человеку, – сказал он. – Однако, прежде чем мы разберемся с этим вопросом, я хочу, чтобы вы взглянули вот на этот небольшой набросок, который я начертил на бумаге. Он в точности воспроизводит то, что в одной части показаний было названо «темными кровоподтеками и глубокими следами от ногтей» на шее мадемуазель Л'Эспанэ, а в другой (в показаниях месье Дюма и Этьенна) – «синевато-багровыми пятнами, явно следами пальцев». Как видите, – продолжил мой друг, раскладывая на столе лист бумаги, – по данному рисунку можно определить, насколько крепкой была эта ужасная хватка. Не видно, чтобы пальцы хоть где-нибудь сместились. Они – возможно, до самой смерти жертвы – оставались на тех местах, куда попали изначально. А теперь попробуйте одновременно приложить пальцы к рисунку так, чтобы они попали на изображения.

Я попытался это сделать, но у меня ничего не вышло.

– Возможно, мы действуем не совсем правильно, – сказал он. – Бумага разложена на столе, но человеческая шея имеет цилиндрическую форму. Вот полено примерно такого же обхвата. Оберните бумагу вокруг него и попробуйте еще раз.

Я сделал это, однако попасть пальцами в указанные места оказалось еще труднее.

– Этот след, – заметил я, – был оставлен не человеческой рукой.

– А теперь, – ответил Дюпен, – прочитайте вот этот отрывок из Кювье.

Это было подробное анатомическое и общее описание большого бурого орангутанга, обитающего на Ост-Индских островах. Огромное тело, неимоверная сила и поразительная ловкость, злой нрав и склонность к подражательству этого млекопитающего достаточно известны всем. В голове у меня тут же сложилась жуткая картина убийства.

– Описание его пальцев, – сказал я, дочитав до конца указанный отрывок, – полностью совпадает с вашим рисунком. Насколько я вижу, такие следы пальцев не могло оставить ни одно другое животное, кроме орангутанга данного вида. Этот клоч шерsti тоже похож на шерсть зверя, которого описывает Кювье. Но мне по-прежнему ясны не все подробности этой страш-

---

²² Сумасшедший дом (*фр.*).

ной загадки. К тому же слышали-то два голоса, и один из них бесспорно принадлежал французу.

– Верно, очевидно, вы вспомните и те слова, которые этот голос произнес. Их услышали почти все, кто был тогда в доме. Это слова «mon Dieu!». Один из свидетелей (кондитер Монтани) в тех обстоятельствах совершенно справедливо описал их, как выражение протеста или упрека. Вот эти-то два слова и дали мне надежду решить всю загадку. Француз знал, что произошло убийство. Возможно – даже очень вероятно – что он никоим образом не причастен к той кровавой вакханалии, которая разыгралась в доме на улице Морг. Орангутанг мог просто сбежать от него. Может быть, француз гнался за ним до самой квартиры мадам Л’Эспанэ, но в сложившихся обстоятельствах не смог его поймать. Впрочем, все это лишь предположения. Я не стану развивать эту версию (назвать ее чем-то другим я не могу), поскольку те призрачные соображения, на которых она основывается, не достаточно глубоки для того, чтобы мой собственный разум принял их, и я не имею права считать, что кому-то другому они покажутся более убедительными. Итак, назовем это версией и будем относиться к ней соответственно. Если наш француз, как я полагаю, в самом деле неповинен в этом зверстве, объявление, которое вчера вечером, когда мы возвращались домой, я дал в «Ле Монд» (газете, посвященной вопросам судоходства, весьма популярной среди моряков), приведет его к нам.

Он протянул мне небольшую бумажку, и я прочитал следующее:

«ПОЙМАН в Булонском лесу ранним утром... – го числа (в день убийства) очень крупный рыжий орангутанг борнейского вида. Владелец (как установлено, моряк с мальтийского судна) может получить свою собственность обратно при условии удостоверения им своих прав и возмещения определенных убытков, связанных с поимкой и содержанием животного. Обращаться по адресу: предместье Сен-Жермен, улица ... дом №... au troisième»²³.

– А откуда вы знаете, – спросил я, – что этот человек – моряк, да еще с мальтийского судна?

– Я этого не знаю, – сказал Дюпен. – И совсем в этом не уверен. Но вот небольшой обрывок ленточки. Судя по форме и по тому, как она засалена, ею, скорее всего, перевязывали волосы, сплетенные в косицу, как это любят делать матросы. Кроме того, она завязана морским узлом, характерным для мальтийцев. Я подобрал эту ленточку под громоотводом. Принадлежать одной из убитых она не могла. Если даже мои выводы относительно этой ленты окажутся ошибочными и наш француз в действительности не является моряком с мальтийского судна, вреда это не принесет. Если я ошибся, он просто подумает, что меня сбили с толку те или иные обстоятельства, в которые ему не нужно вникать. Но если я прав, это дает нам в руки хороший козырь. Знающий о преступлении француз, хоть он и не виновен, наверняка задумается, прежде чем откликнуться на объявление и явиться сюда за орангутангом. Он будет размышлять следующим образом: я невиновен; я – человек небогатый; мой орангутанг стоит немало, а в моем положении это вообще целое состояние; почему я должен терять его из-за каких-то глупых опасений? Вот же он, совсем рядом, только руку протяни. Поймали его в Булонском лесу, от места преступления это довольно далеко, и кому придет в голову подозревать в убийстве это существо? Полиция в тупике, у них нет ни одной зацепки. Даже если они выйдут на животное, им не удастся доказать, что я знал об убийстве. И самое главное: обо мне знают. Тот, кто дал это объявление, считает меня владельцем животного. Что ему еще известно, я не знаю. Если он знает, что хозяин орангутанга я, и если я не потребую вернуть столь ценную собственность, это может вызвать подозрение, по крайней мере, относительно животного. Мне незачем привлекать лишнее внимание к себе или к зверю. Я откликнусь на объявление, заберу орангутанга и буду держать его в надежном месте, пока шум не уляжется.

И в это мгновение с лестницы донеслись шаги.

---

²³ Четвертый этаж (фр.).

– Держите пистолет наготове, – шепнул мне Дюпен. – Но не показывайте его и не пускайте в дело, пока я не подам знак.

Входную дверь в здание мы оставили открытой, поэтому посетитель вошел без звонка и поднялся по лестнице на несколько ступенек, но потом, похоже, засомневался – шаги пошли вниз. Дюпен метнулся к двери, но тут шаги снова стали приближаться. Больше он не колебался и шел твердо, уверенно. Потом раздался стук в дверь.

– Входите, – непринужденным жизнерадостным голосом откликнулся Дюпен.

Человек вошел. Это был моряк, высокий, крепкий, мускулистый мужчина, судя по взгляду, отчаянный малый, но не сказать, чтобы отталкивающей наружности. Сильно загорелое лицо его было наполовину скрыто бакенбардами и пышными усами. В руке он держал толстую и массивную дубовую трость, но другого оружия заметно не было. Он неуклюже поклонился и пожелал нам доброго вечера по-французски. Выговор его, хоть чем-то и смахивал на нефшательский, в целом выдавал в нем парижанина.

– Садитесь, друг мой, – сказал Дюпен. – Я полагаю, вы пришли за орангутангом. Верите ли, я почти завидую вам! Иметь такое прекрасное животное, да к тому же еще и дорогое, наверное. Как вы думаете, сколько ему лет?

Моряк глубоко вздохнул, как человек, сбросивший с себя тяжкий груз, и ответил уверенным голосом:

– Я не знаю, как это определить, но ему не больше четырех-пяти лет. Вы здесь его держите?

– Нет-нет, здесь у нас негде его держать, так что мы его оставили в платной конюшне на улице Дюбур, это недалеко. Вы получите его утром. Вам, конечно же, не трудно будет удостоверить свои права?

– Ясное дело, месье.

– Мне будет жаль с ним расстаться, – вздохнул Дюпен.

– О, не подумайте, что ваши труды пропадут даром, месье, – воскликнул человек. – За то, что вы нашли животное, я готов отблагодарить вас... В разумных пределах.

– Что ж, – ответил мой друг, – это справедливо. Надо подумать... Что бы попросить? О, знаю! В качестве благодарности вы мне расскажете все, что вам известно об убийствах на улице Морг.

Последние слова Дюпен произнес очень тихо и спокойно. Точно так же спокойно он подошел к двери, запер ее и опустил ключ в карман. После этого достал из внутреннего кармана пистолет и с совершенно невозмутимым видом положил его перед собой на стол.

Лицо моряка вспыхнуло, словно в приступе лихорадки. Он вскочил, схватился за трость, но тут же снова опустился на стул, задрожал всем телом и стал бледен как сама смерть. Он молчал, и мне даже стало искренне жаль его.

– Друг мой, – проникновенно произнес Дюпен, – вы тревожитесь совершенно напрасно, поверьте! Мы вовсе не хотим причинить вам зла. Я даю вам слово человека чести и француза, что вам ничего не грозит. Мне прекрасно известно, что вы не виновны в том, что произошло на улице Морг, хотя отрицать, что вы имеете к этому определенное отношение, нет смысла. Я думаю, вы уже поняли, что у меня есть некоторые источники информации касательно этого дела... Такие источники, которых вы даже представить себе не можете. Итак, дело обстоит следующим образом. Вы не сделали ничего такого, в чем могли бы себя упрекнуть... По крайней мере, ничего преступного. Вы даже ничего не взяли из той квартиры, хотя могли это сделать безнаказанно. Вам нечего скрывать. С другой стороны, законы чести обязывают вас рассказать все, что вам известно, поскольку сейчас в тюрьме сидит невинный человек, которого обвиняют в преступлении, которого он не совершал, и именно вы можете указать истинного преступника.

Пока Дюпен говорил, моряк успел в значительной степени прийти в себя, но от его прежней самоуверенности не осталось и следа.

– Что ж, так и быть, – немного помолчав, промолвил он. – Я выложу вам все начистоту, и да поможет мне Бог... Да только вряд ли вы поверите хотя бы половине из того, что я расскажу... Не такой я дурак, чтобы на это надеяться. И все-таки я невиновен, поэтому расскажу все, что знаю, чем бы это мне ни грозило.

Рассказ его сводился к следующему. Не так давно он побывал на Индонезийском архипелаге. С компанией моряков высадился на Борнео и отправился на прогулку в глубь острова. Там он с одним товарищем и поймал орангутанга. Товарищ вскоре умер, поэтому он стал единственным хозяином животного. С огромными трудностями, вызванными крайне беспокойным характером и свирепостью своего пленника, ему все же удалось привезти обезьяну в Париж и поселить у себя дома, где, не желая привлекать к себе внимание любопытных соседей, он держал ее в тайне, дожидаясь, когда у нее заживет нога, в которую на корабле попала заноза. Животное он собирался продать.

Вернувшись ночью, а вернее утром в день убийства, домой после какой-то матросской пирушки, он увидел орангутанга у себя в спальне, куда тот вломился, выбравшись из соседнего чулана, где до сих пор был (как предполагалось) надежно заперт. С бритвой в руке и намыленной мордой, он сидел перед зеркалом и пытался бриться. Наверняка обезьяна повторяла движения хозяина, за которым подсмотрела через замочную скважину. Придя в ужас от вида такого опасного орудия в руках столь свирепого существа, которое к тому же достаточно разумно, чтобы пустить его в ход, моряк на какое-то время замер в нерешительности. Раньше ему всегда удавалось усмирять животное, даже когда у того случались самые сильные приступы бешенства, при помощи хлыста. За него он взялся и на этот раз. Увидев это, орангутанг в ту же секунду выскочил за дверь комнаты, скатился по лестнице вниз и оттуда через окно, которое, к несчастью, оказалось открытым, выпрыгнул на улицу.

Француз в отчаянии бросился за ним. Обезьяна, по-прежнему держа в руке бритву, отбегала на какое-то расстояние, останавливалась, размахивая руками и гримасничая, дожидаясь, пока преследователь оказывался совсем рядом, после чего отбегала дальше и снова останавливалась. Погоня эта продолжалась довольно долго. В три часа утра улицы, естественно, были безлюдны. На одном из переулков рядом с улицей Морг внимание беглеца привлек свет в открытом окне комнаты мадам Л'Эспанэ на пятом этаже ее дома. Бросившись к зданию, он схватился за громоотвод, необычайно проворно вскарабкался по нему наверх, взялся за ставень, полностью открытый и прислоненный к стене, и, повиснув на нем, влетел в окно прямоком к спинке кровати. Весь трюк занял не больше минуты. Устремившись в комнату, орангутанг оттолкнул ставень, и тот встал на свое прошлое место.

Моряка это обрадовало и одновременно смутило. Теперь у него появилась надежда наконец поймать зверя, поскольку единственным выходом из этой ловушки для него оставался все тот же громоотвод, на котором его можно было перехватить внизу. Но, с другой стороны, никто не знал, чем он решит заняться в доме, и это не могло не беспокоить. Эти соображения заставили человека пуститься следом за беглецом. Вскарabкаться по громоотводу не так уж сложно, тем более для моряка, однако, когда он поднялся на уровень окна, которое было слева от него, ему пришлось остановиться. Теперь большее, что он мог сделать, это немного податься вперед и рассмотреть часть комнаты. Сделав это, от ужаса увиденного он чуть не разжал руки и не упал на землю. Именно в этот миг и начались истошные вопли, которые разбудили обитателей улицы Морг. Мадам Л'Эспанэ с дочерью, обе в ночных сорочках, очевидно, были заняты тем, что складывали какие-то бумаги в упоминавшийся выше железный сейф, который выкатили на середину комнаты. Он был открыт, и содержимое его лежало рядом на полу. Жертвы, должно быть, сидели спиной к окну, и, судя по тому, что крики начались не сразу после того, как зверь проник в комнату, вторжение это было сначала не замечено. Звук ударившегося о стену ставня, естественно, приписали порыву ветра.

Когда моряк заглянул в окно, огромное животное держало мадам Л'Эспанэ за волосы (распущенные, потому что она в это время причесывалась) и движениями бровей водило у нее перед лицом бритвой. Дочь лежала на полу не шевелясь – она была без чувств. Крики старухи и ее попытки вырваться (во время которых и были сорваны с головы волосы), очевидно, изменили первоначально миролюбивое настроение орангутанга и разозлили его. Одним резким взмахом мускулистой руки он чуть не отсек голову женщины от тела. Вид крови превратил недовольство в безумную ярость. Скрежеща зубами и дико сверкая глазами, он набросился на тело девушки и, впившись страшными когтями ей в горло, сжимал его до тех пор, пока несчастная не умерла. Мечущийся взгляд животного в этот миг упал на изголовье кровати, за которым в окне застыло окаменевшее от ужаса лицо его хозяина. Неистовство животного, которое, несомненно, вспомнило хлыст, тут же сменилось страхом. Понимая, что заслуживает наказания, орангутанг, похоже, решил скрыть свидетельства своего кровавого проступка. Он стал взволнованно метаться по комнате, опрокидывая и ломая мебель, стащил с кровати матрац и, в довершение, схватил сначала труп дочери и запихнул его в дымоход, где тот впоследствии был обнаружен, а потом сгреб тело старухи и выбросил его в окно головой вперед.

Когда обезьяна приблизилась к окну с изувеченным телом, ошеломленный моряк отпрянул и не спустился, а скорее, съехал вниз по громоотводу, после чего со всех ног бросился домой, с ужасом думая лишь о последствиях этой бойни и позабыв всякое волнение о судьбе своего питомца. «Разговор», услышанный на лестнице поднимающейся группой, был испуганным восклицанием француза и визгом разъяренного животного.

Мне почти нечего добавить. Орангутанг, скорее всего, выбрался из комнаты и спустился вниз по громоотводу за считанные секунды до того, как была взломана дверь. Оконная рама захлопнулась случайно, когда он пролезал через окно. Спустя некоторое время хозяин сам поймал его и продал Зоологическому саду, выручив большую сумму. Ле Бона освободили, как только мы изложили истинную суть дела (с некоторыми замечаниями Дюпена) в конторе префекта полиции. Однако этот чиновник, хоть и настроенный вполне благожелательно к Дюпену, не смог скрыть некоторого недовольства тем, как все обернулось, и не удержался от пары язвительных замечаний, смысл которых сводился к тому, что каждый должен заниматься своим делом.

– Пусть говорит, что хочет, – сказал мне позже Дюпен, оставивший слова полицейского без ответа. – Он может ворчать, сколько его душе угодно, ну а мне достаточно того, что я побил противника на его же территории. Впрочем, то, что он не смог разгадать эту загадку, вовсе не так удивительно, как ему кажется, поскольку наш друг префект, честно говоря, слишком хитер, чтобы мыслить глубоко. Мудрость его лишена «стержня». Это как бы одна голова без тела, как изображают богиню Лаверну... В лучшем случае, голова и плечи, как у трески. И все же он – славный малый. Особенно я уважаю его за то, с каким мастерством он выставляет себя умником. Я имею в виду то, как он *«de nier ce qui est, et d'expliquer ce qui n'est pas»*²⁴.

²⁴ «Отрицает то, что есть, и растолковывает то, чего не существует». (Ж.-Ж. Руссо. «Новая Элоиза»)

Бес противоречия

В рассмотрении способностей и импульсов, этих *prima mobila*²⁵ человеческой души, френологи²⁶ оставили без внимания ту предрасположенность, которая, хоть, несомненно, и существует в виде коренного, примитивного, неодолимого чувства, так же была не замечена предшествующими им моралистами. Надменность, присущая разуму, никому из нас не позволяет замечать ее. Сия предрасположенность проявляется, когда возникает необходимость освободиться от чувств, исключительно посредством нехватки доверия... веры, будь то вера в Откровение или вера в Каббалу. Мысль эта не приходит нам в голову просто по причине ее избыточности. Мы даже не видим надобности в побуждении к этой предрасположенности. Ее необходимость для нас непостижима. Мы не понимаем, вернее сказать, не смогли бы понять, если бы этот перводвигатель каким-то образом проявил себя; не смогли бы понять, как, каким образом его работа может способствовать исполнению предназначения человечества, как сиюминутного, так и вечного. Нельзя отрицать, что френология, и еще в большей степени вся метафизика, были состряпаны а *priori*²⁷. Интеллектуал, или человек, мыслящий логически, скорее, чем человек сообразительный или наблюдательный, принимается строить планы... иными словами, диктует Богу свою волю. Удовлетворившись полученным подобным образом представлением о намерениях Иеговы, на основании этих намерений он выстраивает многочисленные системы разума. К примеру, с позиций френологии, вначале мы (и это вполне естественно) определили, что по замыслу Создателя человек должен питаться. Исходя из этого, мы установили наличие у человека органа, отвечающего за аппетит, и орган этот является тем бичом, которым Бог принуждает человека, независимо от его собственной воли, хотеть есть. Затем, решив, что по Божьей воле человек должен продолжать свой род, мы незамедлительно обнаружили орган, отвечающий за эротизм. То же самое произошло с воинственностью, воображением, причинностью, творческим началом, короче говоря, со всеми органами, отвечающими либо за склонности, либо за нравственность, либо за чистый разум. И в этом разнообразии *principia*²⁸, отвечающих за поведение человека, последователи Шпурцгейма²⁹ (правы они или не правы, частично или полностью), в принципе, всего лишь идут по тропе, протоптанной их предшественниками: выводят и устанавливают наличие всего из предначертанной заранее судьбы человека и на основании целей, преследуемых его Создателем.

Было бы мудрее и безопаснее классифицировать (если мы обязаны классифицировать) на основании того, что человек обычно или порой совершал в прошлом и совершает всегда, чем на основании того, что, как мы считаем, суждено ему по замыслу Бога. Если мы не в состоянии понять Господа по его зримым творениям, можем ли мы уразуметь его по тем непостижимым помыслам, которые вызвали к жизни сии творения? Если мы не в состоянии понять Господа по его объективным созданиям, можем ли мы уразуметь его по свободным настроениям и фазам созидания?

Сие введение а *posteriori*³⁰ могло бы заставить френологов принять как врожденный и примитивный принцип человеческого поведения парадоксальное нечто, которое за неимением более подходящего термина можно назвать извращенностью. В том смысле, который в это вкла-

²⁵ Перводвигателей (лат.).

²⁶ Френология – учение о локализации отдельных психических способностей в различных участках мозга.

²⁷ Независимо от опыта (лат.).

²⁸ Первопричин (лат.).

²⁹ Иоганн Кристоф Шпурцгейм (1776–1832) – немецкий френолог.

³⁰ По опыту (лат.).

дываю я, фактически, это – *mobile*³¹ без мотива, мотива, а не *motivirt*³². По его подсказке мы действуем без какой-либо видимой цели; или (хоть это и покажется противоречием в терминах) утверждение это можно выразить иными словами: по его подсказке мы совершаем поступки, потому что понимаем, что так поступать нельзя. В теории нет ничего более бессмысленного, но на практике мотива более сильного не существует. Некоторые умы при определенных обстоятельствах совершенно не в состоянии этому противиться. Я ни капли не сомневаюсь в том, что уверенность в несправедности или ошибочности каких-либо поступков часто является той неодолимой силой, которая побуждает нас к действию. Также эта поразительная склонность творить зло (если называть злом все то, что не входит в рамки «правильности») ради самого зла не поддается анализу или расчленению на скрытые элементы. Это врожденный импульс, которому невозможно противиться. Знаю, мне возразят, что, когда мы упорствуем в поступках, поскольку знаем, что упорствовать в них нельзя, поведение наше является ничем иным, как порождением того, что во френологии зовется воинственностью. Но эта идея ошибочна, в чем не трудно убедиться. Френологическая воинственность обусловлена необходимостью самозащиты. Это – забрало, предохраняющее нас от травм и ран. Ее суть имеет отношение к нашему здоровью, поэтому желание быть здоровым возбуждается одновременно с ее развитием. Из этого следует, что желание быть здоровым неизменно должно сопровождаться тем или иным принципом, который будет всего лишь модификацией воинственности, но в том случае, когда речь идет о том, что я называю извращенностью, не только не возникает желания быть здоровым, но и имеет место стремление совершенно противоположное.

Впрочем, обращение к собственному сердцу будет лучшим ответом всей этой софистике. Любой, кто доверяет своей душе и ищет в ней ответы, не станет отрицать радикальный характер обсуждаемой предрасположенности. Она так же непостижима, как и очевидна. Нет такого человека, которого, к примеру, никогда не терзало страстное желание измучить слушателя многоречивостью. Говорящий понимает, что этим доставит неудовольствие; он искренне желает радовать, обычно он выражается коротко, четко и понятно, слова, готовые сорваться с его языка, лаконичны и доходчивы, но лишь с большим трудом ему удается сдерживать себя. Его страшит гнев того, к кому он обращается, душа его противится этому, и все же у него появляется мысль, что выпиренностью слога и отступлениями от темы гнев этот можно пробудить. Одной этой мысли достаточно. Импульс превращается в охоту, охота – в желание, желание – в неудержимую жажду, и жажда эта (к огромному сожалению и величайшей досаде говорящего, и невзирая на последствия) удовлетворяется.

Перед нами задача, которую нужно выполнить как можно быстрее. Мы знаем, что откладывать это губительно. Важнейший миг нашей жизни громогласно взывает, требуя немедленного действия. Мы загораемся, нас снедает смертная охота исполнить эту работу прямо сейчас, и душа наша кипит в предвкушении великолепного результата. Работу обязательно надо выполнить именно сегодня! И все же мы откладываем ее до завтра. Почему? Другого ответа нет, кроме как: потому что в нас просыпается дух извращенности, если использовать это слово, не понимая принципа, который за ним стоит. Наступает следующий день, и с ним возникает еще более жгучее стремление исполнить свой долг, но с возросшей жаждой действий приходит безымянное и вселяющее страх своей непостижимостью желание снова отложить дело до завтра. Желание это с каждой секундой набирает силу. Близок тот час, когда отведенное нам время истечет, и уже будет поздно браться за работу. Мы трепещем от страшной борьбы, происходящей внутри нас, от противостояния определенного и неопределенного, от борьбы вещества и тени. Однако, если противоборство не закончилось до сих пор, то побеждает тень... Борьба была напрасной. Часы бьют урочный час, и мы слышим похоронный звон по нашему

³¹ Движущая сила (*фр.*).

³² Искаженное немецкое *Motivirtum* – ошибка в определении мотива поведения.

благоденствию. В то же время это chanticleer³³ – сигнал призраку, который так долго держал нас в благоговейном страхе. Он улетучивается, исчезает, мы свободны. Былая энергичность возвращается. Мы готовы взяться за работу... Но увы! Уже слишком поздно.

Мы стоим на краю пропасти. Мы всматриваемся в бездну... У нас начинает кружиться голова, подступает тошнота. Наш первый порыв – отпрянуть от опасного места. Но почему-то мы остаемся. Понемногу тошнота, головокружение и ужас сливаются в единое облако не имеющего названия ощущения. Постепенно, так что превращения и не заметишь, облако это начинает принимать определенные очертания, как в сказках «Тысячи и одной ночи» дым из бутылки сгущается в джинна. Но наше облако на краю бездны принимает образ, приобретает очертания несоизмеримо более страшные, чем любой джинн, любой сказочный демон, и все же это не более чем мысль, хоть и пугающая, хоть и заставляющая сжаться сердце от невыносимого ожидания сладости ее ужаса. Это мысль о том, какие мы испытаем ощущения во время головокружительного падения с подобной высоты. Именно по той причине, что во время этого низвержения, этого стремительно приближающегося полного уничтожения, возникает тот самый отвратительный, самый жуткий из всех отвратительных и жутких образов гибели и страданий, который являлся нам в помыслах, именно по этой причине мы желаем его больше всего на свете. И поскольку разум наш яростно пытается оттолкнуть нас от края пропасти, мы, охваченные порывом, делаем еще один шаг вперед. В природе не существует чувства более неистового, чем та демоническая страсть, которая безраздельно охватывает стоящего на краю пропасти и борющегося с желанием броситься вниз. Хоть на миг поддаться желанию означает гибель. Здравый смысл требует воздержаться от этого, и именно поэтому мы не можем не поддаться искушению. Если нас не одернет рука друга, или если мы последним напряжением воли не сумеем вырваться из этих объятий и не падем навзничь перед лицом бездны, мы делаем последний шаг вперед и погибаем.

Можно по-разному анализировать подобные действия, но неизменно мы будем приходить к выводу, что причиной их является дух извращения. Мы совершаем их, потому что понимаем, что не должны этого делать. За ними не стоит никакого другого постижимого умом принципа, и мы могли бы приписывать сию извращенность прямому наущению злого духа, если бы иногда они не содействовали добру.

Я сказал все это, дабы в какой-то мере ответить на ваш вопрос, дабы объяснить, почему я здесь, и оставить вам хотя бы призрачное понимание того, почему на мне эти оковы, и почему я нахожусь в этой камере смертников. Не будь я столь многословен, вы могли бы либо вовсе не понять меня, либо вслед за толпой счесть меня сумасшедшим. Но теперь вы наверняка поймете, что я – всего лишь очередная жертва демона извращенности.

Никакое дело не продумывалось основательнее. Недели, месяцы я готовился к убийству. Я измыслил и отмел тысячи планов, потому что их выполнение могло навлечь подозрение на меня. Наконец, читая какие-то французские мемуары, я наткнулся на описание едва не закончившейся смертью болезни мадам Пило, причиной которой была случайно оставленная свеча. Мое воображение тотчас разыгралось. Я знал о привычке моей жертвы читать в постели. К тому же мне было известно, что у него небольшая и плохо проветриваемая спальня. Впрочем, мне нет нужды утомлять вас неуместными подробностями. Мне нет нужды описывать те несложные приемы, при помощи которых я подменил подсвечник и оставил в его комнате восковую свечу собственного изготовления. На следующее утро его нашли мертвым в кровати, и вердикт коронера³⁴ гласил: «Скончался волей Божией».

Я унаследовал его состояние, и несколько лет все было спокойно. За все это время мысль о том, что меня раскроют, ни разу не посещала меня. Остатки смертоносной свечи я уничто-

³³ Петух (фр.).

³⁴ Должностное лицо, изучающее причины смерти при вызывающих подозрение обстоятельствах.

жил собственноручно. Я не оставил ни единой улики, которая могла бы вывести на мой след или даже бросить на меня хотя бы тень подозрения. Невозможно описать, какое радостное удовлетворение испытывал я, думая о том, насколько безопасно мое существование. За долгое время я привык наслаждаться этой мыслью. Она приносила мне куда больше радости, чем все те мирские удовольствия, которые стали доступны мне благодаря моему греху. Но через время наступила пора, когда приятное ощущение незаметно превратилось в навязчивую, изнуряющую мысль. Она изматывала, потому что не покидала меня, не оставляла ни на секунду. Часто мы испытываем подобное раздражение от звона в ушах или зуда в памяти, когда снова и снова вспоминаем какую-нибудь примитивную песенку или невыразительный фрагмент из оперы. Мы бы меньше страдали, если хотя бы песня та была хорошей или опера – достойной. Наконец я стал все чаще замечать, что все время думаю о безопасности и постоянно повторяю про себя: «Мне ничто не грозит».

Однажды, прогуливаясь по улице, я поймал себя на том, что бормочу вполголоса эти ставшие привычными слова. В раздражении я переиначил их: «Мне ничто не грозит... Ничто... Да... Если я не совершу глупость и сам не сознаюсь в содеянном!»

И едва слова эти сорвались с моих уст, я почувствовал, как ледяной холод стал вползать в мое сердце. Не впервой мне было чувствовать эти припадки извращенности (природу которой я так старательно объяснял), и я прекрасно помнил, насколько бессилен перед ними. С тех пор подброшенная самому себе мысль совершить глупость и сознаться в убийстве превратилась в наваждение, стала преследовать меня, словно призрак того, кого я погубил... и привела к смерти.

Сначала я попытался стряхнуть с души этот ужас. Я решительно пошел вперед... быстрее... потом еще быстрее... наконец я побежал. Внутри возникло бешенное желание закричать во все горло. Каждая новая волна мыслей наполняла меня все большим ужасом, ибо я слишком хорошо понимал, что думать в моем положении было равносильно смерти. Я все еще ускорял шаг, я словно безумный мчался через запруженные улицы, расталкивая людей, пока не поднялась тревога и за мной не бросились в погоню. И тогда я почувствовал, что наступил конец. Если бы я мог вырвать себе язык, то вырвал бы его, но грубый голос опять зазвучал у меня в ушах. Еще более грубые руки впились мне в плечи. Задышавшись, я повернул голову, на короткий миг почувствовав муки удушья. Я побледнел, перестал слышать, у меня закружилась голова, и тогда мне показалось, что какой-то невидимый дьявол хлопнул меня широкой ладонью по спине. Тайна, так долго хранившаяся, вылетела из моей души.

Рассказывают, что слова я произносил очень отчетливо, только слишком громко и в безудержной спешке, словно боясь, что меня прервут, прежде чем я успею произнести все короткие, емкие предложения, которые привели меня к палачу и скоро отправят в ад.

Высказав все, что было необходимо для того, чтобы на суде меня признали виновным, в беспамятстве я распростерся на земле.

Но зачем мне еще что-то говорить? Сегодня я здесь, и в цепях! Завтра я буду свободен... Но где?

Ты еси муж

Сейчас я сыграю роль Эдипа³⁵ для загадки Гвалтвилла. Я открою вам... поскольку кроме меня этого сделать некому... тайные механизмы чуда, случившегося в Гвалтвилле; неповторимого, истинного, признанного, бесспорного и неоспоримого чуда, которое положило конец недоверию жителей Гвалтвилла и ввергло в старушечье суеверие всех тех преисполненных плотских помыслов, которые прежде упорствовали в скептицизме.

Событие это... которое мне не хотелось бы обсуждать неуместным приподнятым тоном... произошло летом 18... года. Итак, суть дела такова. Мистер Барнабас Челнокс, один из самых богатых и уважаемых людей города, исчез на несколько дней, что породило волну недобрых слухов. Одним субботним утром, очень рано, мистер Челнокс верхом выехал из Гвалтвилла, объявив, что собирается съездить в расположенный в полутора десятках миль соседний городок и вернуться в тот же день вечером. Однако спустя два часа лошадь его прискакала обратно одна, без седока и без седельных выюков, которые изначально были пристегнуты к ее спине. Кроме того, животное было ранено и все в грязи. Это обстоятельство, разумеется, очень взволновало друзей пропавшего, и когда он не объявился и в воскресенье, весь городок en masse³⁶ отправился на поиски его тела.

В первых рядах шел человек, громче других ратовавший за организацию поисков, это был близкий друг мистера Челнокса, некий мистер Чарлз Друггинс, которого все называли не иначе, как «Чарли Друггинс» или «старина Чарли Друггинс». И то ли это чудесное совпадение, то ли имя в самом деле оказывает какое-то влияние на характер человека (мне пока что не удалось этого выяснить), но не вызывает сомнения тот факт, что в мире нет ни одного Чарлза, который не был бы открытым, мужественным, честным и добрым малым с большим сердцем, густым и чистым голосом, слушать который – одно удовольствие, и прямым взором, словно бы возвещавшим: «Совесть моя чиста, бояться мне нечего, и вообще я выше всякой низости». Посему в театрах всех приветливых, беззаботных статистов чаще всего и зовут Чарлз.

Так вот, «старине Чарли Друггинсу», хоть он и объявился в Гвалтвилле не больше шести месяцев или около того назад и до этого никто о нем и слухом не слыхивал, было совсем не трудно перезнакомиться со всеми уважаемыми людьми в городе. Любой мужчина под честное слово готов был ссудить ему хоть тысячу, а уж, что касается женщин, трудно сказать, на что они ни были готовы, лишь бы угодить ему. И все это из-за того, что звали его Чарлз, и, соответственно, лицо у него было того своеобразного типа, который, как говорится, «лучше любого рекомендательного письма».

Я уже упоминал, что мистер Челнокс был одним из самых уважаемых людей в Гвалтвилле, но, кроме этого, он, вне всякого сомнения, был и самым богатым среди них, что не мешало «старине Чарли Друггинсу» сойтись с ним на такую короткую ногу, будто он был ему родным братом. Жили они по соседству, и хоть мистер Челнокс редко когда бывал у «старины Чарли» и даже ни разу не вкусил с его стола, это не мешало двум джентльменам водить весьма тесную дружбу, как я только что отметил, поскольку «старина Чарли» каждый божий день по три-четыре раза навещался к соседу узнать, как у него дела, и частенько задерживался у него на завтрак или на чай, а уж на обед – так почти всегда, и я не берусь определить, сколько вина выпивали закадычные друзья во время этих встреч. «Старина Чарли» всем остальным маркам предпочитал «Шато Марго», и мистеру Челноксу, похоже, доставляло истинное удовольствие видеть, как он поглощает его кварта за квартирой, поэтому в один пре-

---

³⁵ Герой древнегреческих мифов, разгадавший загадку Сфинкса.

³⁶ Вместе, сообща (*фр.*).

красный день, когда вино текло рекой, а разум, что вполне естественно, с такой же скоростью улетучивался, он обратился к товарищу, хлопнув его по спине:

– Вот что я тебе скажу, старина Чарли, ты – самый душевный парень из всех, кого я встречал на своем веку, и, раз уж вино это тебе так по нраву, гореть мне в аду, если я не подарю тебе целый ящик «Шато Марго», черт тебя дер! – Мистер Челнокс имел нехорошую привычку сопровождать свою речь крепким словцом, хотя и редко когда выходил за рамки «Черт тебя дер!», «Дьявол!» или «Пропади все пропадом!». – Да провалиться мне, – восклицает он, – если я сегодня же не закажу в городе двойной ящик и не сделаю тебе подарок!.. И не возражай, я это сделаю!.. Слово даю, пропади оно пропадом! Так что будь готов, жди посылочку. И придет она как раз тогда, когда ты будешь меньше всего ее ждать!

Я привожу этот небольшой пример проявления щедрости мистера Челнокса исключительно ради того, чтобы показать вам, насколько полным было взаимопонимание двух друзей.

Итак, утром означенного воскресенья, когда стало окончательно ясно, что с мистером Челноксом что-то случилось, я не видел никого, кто был бы более взволнован, чем «старина Чарли Друггинс». Услышав, что лошадь вернулась домой без хозяина, без седельных вьюков и вся в крови от пистолетного выстрела (пуля насквозь пробила грудь несчастного животного, но не убила его на месте), услышав все это, он побледнел так, будто пропавший был его любимым братом или отцом, весь задрожал и затрясся, словно в приступе лихорадки.

Поначалу горе его было слишком велико, он оказался просто не в состоянии что-либо предпринять или составить какой-нибудь план действий, почему и стал убеждать других друзей мистера Челнокса не поднимать шума и выждать какое-то время – скажем, неделку-другую или месяц-другой – авось, что-то прояснится, или сам мистер Челнокс объявится естественным путем и разъяснит, что случилось с его лошадью и почему он отправил ее домой одну в таком виде. Осмелюсь заметить, что довольно часто люди, охваченные глубоким душевным страданием, занимают подобную выжидательную позицию и тянут до последнего. Разум их как будто впадает в спячку, из-за чего ничто не страшит их больше, чем необходимость действовать, и все, чего им больше всего хочется в такие минуты, – это лечь в постель и «предаться горю», как говорят старухи, иными словами, обдумать, что произошло.

Жители Гвалтвилла придерживались столь высокого мнения о мудрости и прозорливости «старины Чарли», что большинство посчитало за лучшее с ним согласиться и не поднимать шума, пока «что-то не прояснится», как высказался сей почтенный господин. Я полагаю, что его настроение передалось бы всем остальным, если бы не весьма подозрительное вмешательство племянника мистера Челнокса, молодого человека беспорядочных привычек, наделенного к тому же прескверным характером. Племянник этот, фамилия которого была Пошл, отказался «предаваться горю» и стал настаивать на организации незамедлительных поисков «трупа убитого». Именно так он и выразился, на что мистер Друггинс резко заметил, что это «мягко говоря, весьма странное выражение». Слова самого мистера Друггинса возымели большое действие на собравшихся, и кто-то из толпы значительным голосом поинтересовался: «А откуда это юному мистеру Пошлу столько известно обо всех обстоятельствах исчезновения богатого дядюшки, что он берет на себя смелость во всеуслышание и с полной уверенностью утверждать, что он-де убит?» Тут среди собравшихся наметился некоторый раскол, послышались даже несдержанные слова, особенно со стороны «старины Чарли» и мистера Пошла, чему, впрочем, никто не удивился, поскольку последние три или четыре месяца отношения между этими господами были очень натянутыми. Дело дошло даже до того, что мистер Пошл как-то сбил с ног друга своего дяди за чрезмерную вольность, которую тот якобы позволил себе в доме дяди, где племянник квартировал. Говорят, что, когда это произошло, «старина Чарли» проявил исключительную выдержку и христианское смирение. Он поднялся, оправил костюм и не стал отвечать обидчику, всего лишь пробормотал несколько недовольных слов, что-то вроде «ну ничего, ты у меня еще попляшешь» – естественное и вполне оправданное в данной

ситуации проявление гнева, – которые, впрочем, наверняка ничего не значили и, вне всякого сомнения, через минуту забылись.

Как бы то ни было, все это не имеет никакого отношения к рассматриваемому происшествию. Жители Гвалтвилла, в основном по наущению мистера Пошла, в конце концов решили разойтись и незамедлительно приступить к поискам пропавшего мистера Челнокса. Я хочу сказать, что таково было их первоначальное решение. Когда стало окончательно понятно, что поиски все же начнутся, все посчитали как бы само собой разумеющимся, что для более тщательного осмотра округи нужно разойтись, другими словами, разбиться на группы. Однако, хоть я и не могу припомнить, какими были его доводы, но «старине Чарли» каким-то образом удалось убедить собрание, что более неразумного плана действий нельзя и придумать. Тем не менее он их убедил (всех, кроме мистера Пошла), и в конечном итоге было принято решение, что очень тщательные и внимательные поиски будут проводиться *en masse* и под предводительством самого «старины Чарли».

Ну а уж лучшего разведчика, чем «старина Чарли», было не сыскать – все прекрасно знали, что глаз у него острее орлиного. Однако, хоть он и провел их по самым потаенным уголкам и провалам, о существовании которых никто до этого даже и не подозревал, несмотря на то что поиски почти неделю не прекращались ни днем, ни ночью, следов мистера Челнокса так и не нашли. Когда я говорю «следов», меня не надо понимать буквально, поскольку следы-то как раз были. Путь несчастного господина удалось проследить по отпечаткам подков его лошади (они несколько отличались от обычных подков) до места примерно в трех милях к востоку от Гвалтвилла на главной дороге, ведущей к соседнему городу. Там следы сворачивали на тропинку, которая шла через рощу, и, сокращая путь примерно на полмили, снова выводили на основную дорогу. Следуя по этой тропинке, отряд искателей наконец вышел к стоячему озерцу по правую руку от пути следования, добрая половина которого была скрыта зарослями ежевики, и рядом с этим озером следы подков терялись. Однако определенные знаки указывали на то, что в этом месте произошла какая-то борьба, похоже, какое-то большое и тяжелое тело (намного больше человеческого) оттащили с тропинки к озеру. Дно озера дважды было прочесано, но безрезультатно, в нем ничего так и не нашли, и отряд, отчаявшись, уже хотел было уходить, но тут провидение подсказало мистеру Друггинсу мудрую мысль – полностью осушить озеро. План этот был воспринят на ура, а «старина Чарли» прозорливостью и смекалкой заслужил немало лестных слов. Поскольку многие из горожан захватили с собой лопаты, посчитав, что им, возможно, придется эксгумировать тело, осушение прошло без затруднений и времени отняло немного. Как только обнажилось дно, в оставшейся грязи, в самой середине илистой воронки, был обнаружен черный бархатный жилет, в котором почти все присутствующие сразу признали собственность мистера Пошла. Жилет этот был сильно изодран и весь в пятнах крови. Кое-кто из искателей совершенно точно вспомнил, что он был на своем владенье в то утро, когда мистер Челнокс отправился в соседний город. Нашлись и те, кто был готов в случае надобности под присягой подтвердить, что не видели на мистере П. этого предмета одежды в течение остальной части того памятного дня, и не было положительно никого, кто сказал бы, что видел его на мистере П. за все время, прошедшее с исчезновения мистера Челнокса.

Для мистера Пошла дело начало приобретать очень нехороший оборот. Было замечено и воспринято как неоспоримое подтверждение возникших на его счет подозрений то, что он сильно побледнел, а когда его спросили, что он может сказать в свою защиту, молодой человек не смог из себя выдать ни слова. Вслед за этим те несколько друзей, которых его разгульный образ жизни еще не оттолкнул от него, все до единого тут же отвернулись от племянника исчезнувшего богача и стали даже громче его старинных и открытых врагов требовать незамедлительного ареста. Впрочем, в этом свете великодушие, проявленное мистером Друггинсом, засверкало только ярче. Он произнес короткую, мягкую и в то же время очень убе-

дительную речь в защиту мистера Пошла, в которой не раз упомянул о том, что лично он искренне прощает несдержанного молодого человека – «наследника достопочтенного мистера Челнокса» – за ту обиду, которую он (молодой человек), несомненно, подавшись пылу страсти, посчитал возможным нанести ему (мистеру Друггинсу). «Он простил его за это, – сказал он, – совершенно искренне и от всего сердца, а что касается его самого (мистера Друггинса), то он, вопреки крайне подозрительным обстоятельствам, бросающим тень на мистера Пошла, которые, к его (мистера Друггинса) крайнему сожалению, обнаружили в этом деле, сделает все, что в его силах, употребит все те скромные ораторские способности, которыми он наделен, чтобы... чтобы... чтобы... попытаться сгладить самые острые углы этого действительно очень запутанного дела».

Еще с полчаса продолжал он в том же духе, после чего, если у кого-то из его слушателей и оставались какие-то сомнения в искренности и мудрости мистера Друггинса, они отпали. Но вы же знаете этих людей с большим сердцем, порой их захватывает такое страстное желание помочь ближнему, что они невольно теряют нить разговора, допускают массу всевозможных ошибок, досадных *contretemps*³⁷ и *mal aproposisms*³⁸, чем, часто с самыми добрыми намерениями, приносят несоизмеримо больше вреда, чем пользы.

В своей пламенной речи не избежал этого и «старина Чарли», поскольку, хоть он из всех сил старался помочь подозреваемому, как-то само собой получилось, что каждое произнесенное им слово, которое, хоть и неосознанно, но прямо было направлено на то, чтобы внушить его уважаемым слушателям мысль о скромности оратора, лишь усилило подозрение, уже павшее на его подзащитного, и обратило на него гнев толпы.

Одна из самых досадных оплошностей, совершенных оратором, заключалась в том, что один раз он назвал подозреваемого «наследником огромного состояния всеми уважаемого господина Челнокса». Никому до этого подобная мысль явно не приходила в голову. Все помнили, как пару лет назад дядюшка несколько раз угрожал лишить племянника (своего единственного родственника) наследства, и полагали, что он сдержал свое слово – до того простодушными существами были гвалтвиллцы. Однако замечание «старины Чарли» тут же заставило их задуматься и вселило в их головы мысль, что угрозы могли так и остаться всего лишь угрозами. Разумеется, тут же возник естественный вопрос: *сui bono*? Вопрос, который даже больше, чем жилет, указывал на причастность молодого человека к ужасному преступлению. И здесь, дабы избежать недопонимания, позвольте мне на миг отступить от темы и отметить, что короткая и простая латинская фраза, которую употребил я, неизменно переводится и понимается неверно. «*Cui bono*?» в ходовых романах и прочей литературе подобного сорта – к примеру, у миссис Гор³⁹ (автора «Сесила»), которая цитирует все языки, от халдейского до наречия племен чикасо, в чем ей систематически «по мере надобности» помогает мистер Бекфорд⁴⁰, – во всех ходовых романах, от Булвера⁴¹ и Диккенса до Строчузапенса и Эйнсворта⁴², два коротких латинских слова «*cui bono*» понимаются как «с какой целью?» или (как будто это «*quo bono*») – «чего ради?». Тем не менее их истинный смысл: «кому на пользу?» *Cui* означает «кому», а *bono* – «это несет выгоду». Это выражение применяется в юридической практике, когда рассматриваются именно такие дела, как это, когда вероятность того, что подозреваемый виновен, увеличивается в зависимости от того, какую выгоду несет для него совершенное преступление или его последствия. Итак, в данном случае вопрос «*cui bono*?» совершенно однозначно

³⁷ Неувязок (*фр.*).

³⁸ Неуместностей – производное от французского *mal à propos*.

³⁹ Кэтрин Грейс Гор (1799–1861) – английская писательница. «Сесил, или Приключения фата» (1841) – ее самый известный роман.

⁴⁰ Вильям Бекфорд (1760–1844) – английский писатель.

⁴¹ Эдуард Джордж Булвер-Литтон (1803–1873) – английский писатель.

⁴² Вильям Гаррисон Эйнсворт (1805–1882) – английский писатель.

указал на мистера Пошла. Его дядя, сделав племянника наследником, не единожды угрожал лишить его наследства. Однако угроза не была исполнена, и завещание, судя по всему, не изменилось. Если бы это произошло, убить своего дядю подозреваемый мог разве что из желания отомстить, но и это маловероятно, поскольку у молодого человека всегда оставалась надежда снова снискать дядюшкино расположение. Поэтому, поскольку завещание изменено не было, а угроза это сделать постоянно висела над головой племянника, вырисовался очень сильный мотив для совершения ужасного злодеяния, чего оказалось вполне достаточно для проницательных обитателей городка Гвалтвилл.

Мистер Пошл был арестован прямо на месте, и после дальнейших непродолжительных поисков толпа направилась обратно, держа задержанного под стражей. Однако по дороге возникло еще одно обстоятельство, которое еще больше укрепило подозрения. Мистер Друггинс, неиссякаемая энергия которого всегда держала его немного впереди остального отряда, вдруг пробежал вперед несколько шагов, наклонился и подобрал из травы какой-то маленький предмет. От глаз следовавших за ним не укрылось, что, осмотрев находку, он попытался незаметно сунуть ее в карман сюртука, но утаить поднятый предмет ему не позволили, и выяснилось, что это испанский складной нож, в котором человек десять тут же признали нож мистера Пошла. Более того, на ручке были выгравированы его инициалы. Лезвие его было открыто и все в крови.

Теперь последние сомнения в виновности племянника отпали, и по возвращении в Гвалтвилл его незамедлительно передали мировому судье для допроса.

И снова дела приняли самый скверный оборот. Обвиняемый, когда его спросили, где он находился утром в тот день, когда исчез мистер Челнокс, имел дерзость открыто заявить, что в то утро охотился с ружьем на оленей у того самого озера, в котором, благодаря прозорливости мистера Друггинса, был обнаружен окровавленный жилет.

Тут вперед вышел сам мистер Друггинс и, едва сдерживая слезы, попросил слова. Он сказал, что священное чувство долга не только перед Создателем, но и перед общественностью не дает ему и дальше сохранять молчание. До сих пор искренняя привязанность, которую он питал к молодому человеку несмотря на его дурное отношение к нему (мистеру Друггинсу), заставляла его придумывать все новые и новые объяснения тому, что казалось подозрительным в обстоятельствах, которые столь веско свидетельствовали против мистера Пошла. Однако обстоятельства эти теперь сделались слишком убедительными... слишком изобличающими, и он больше не в силах противостоять им... он готов рассказать все, все, что ему известно об этом деле, хотя его (мистера Друггинса) сердце разрывается на части от этой жестокой необходимости. И он поведал, что накануне отъезда мистера Челнокса в соседний город этот достойный пожилой господин в его (мистера Друггинса) присутствии рассказал своему племяннику, что собирается завтра съездить в соседний город для того, чтобы положить необычно большую сумму в банк «Механики и фермеры», и что во время того же самого разговора вышеозначенный мистер Челнокс поставил вышеозначенного племянника в известность, что принял окончательное решение переписать завещание и лишить его наследства. Далее он (свидетель), обращаясь к подозреваемому, призвал его подтвердить, что все только что сказанное им (свидетелем) является чистой правдой, или же опровергнуть его слова. К величайшему изумлению всех присутствующих, мистер Пошл незамедлительно признал, что все так и было.

После этого судья посчитал своим долгом направить пару констеблей обыскать комнату подозреваемого в доме его дяди. Обыск занял совсем немного времени, вскоре они вернулись с красновато-коричневым кожаным бумажником на стальной застежке, тем самым, с которым престарелый господин Челнокс не расставался вот уже много лет. Однако бумажник был пуст. Судья так и не смог выпытать у обвиняемого, как он поступил с его ценным содержимым или куда его спрятал. Более того, мистер Пошл упорно настаивал на том, что денег не брал, и вообще знать ничего не знает. Еще констебли под матрасом несчастного обнаружили рубашку

и шейный платок с его инициалами, на которых были отчетливо видны жутковатые пятна крови жертвы.

В эту напряженную минуту пришло сообщение, что лошадь убитого только что умерла в конюшне от полученной раны. Тут же от мистера Друггинса последовало предложение немедленно провести вскрытие животного с тем, чтобы попытаться отыскать пулю. Так и сделали, и, словно для того, чтобы окончательно развеять последние сомнения в виновности подозреваемого, мистеру Друггинсу после долгих настойчивых поисков в разверстой груди животного удалось нащупать и извлечь на свет божий огромную пулю, которая, как выяснилось в результате проведенного впоследствии сравнения, в точности соответствовала калибру ружья мистера Пошла и была слишком большой, чтобы подходить к какому-либо иному оружию из того, что имелось во всем городке и его окрестностях. Но и это еще не все. На этой пуле была замечена неровность, небольшая бороздка, идущая под прямым углом к обычному шву, и проверка показала, что это углубление точно совпадает с выступом, имевшемся на литейных формах, которые, по его собственному признанию, принадлежали обвиняемому. После того как была обнаружена эта пуля, мировой судья отказался выслушивать дальнейшие показания и объявил, что обвиняемый будет передан в вышестоящую судебную инстанцию без права освобождения из-под стражи под залог. Смягчить столь суровое решение не смогли даже горячие протесты мистера Друггинса, который предложил собственную кандидатуру в качестве поручителя и заявил, что готов предоставить любую сумму, которая потребуется. Подобное великодушие «старины Чарли» лишь подчеркнуло добродетель и благородство, которыми неизменно отличалось его поведение за все время его пребывания в городке Гвалтвилл. Только на этот раз сей добрейший господин, должно быть, настолько озабочился судьбой своего юного друга, что, предлагая выплатить залог, совершенно позабыл, что у самого него (мистера Друггинса) нет за душой ни гроша.

Исход досудебного разбирательства несложно представить. Мистер Пошл под градом неодобрительных выкриков и проклятий со стороны добрых жителей Гвалтвилла предстал перед очередным заседанием уголовного суда, где вся цепочка косвенных улик (подкрепленная еще некоторыми убийственными фактами, которые кристальная честность мистера Друггинса не позволила ему утаить от суда) была признана настолько прочной и убедительной, что присяжные, не удаляясь на совещание, единогласно постановили: «Виновен в убийстве первой степени». Был вынесен смертный приговор, и несчастный был возвращен в окружную тюрьму дожидаться суровой кары правосудия.

Тем временем рыцарское поведение «старины Чарли Друггинса» превратило его в настоящего героя в глазах честных обитателей городка. Можно сказать, что теплота чувств, которые они к нему испытывали, возросла вдесятеро, и – что, несомненно, является естественным результатом того радушия, которым его окружили – этому почтенному господину волею-неволей пришлось отказаться от привычного аскетического образа жизни, к которому его приучила жизнь в нужде, и довольно часто в его доме стали проходить небольшие встречи друзей, на которых неизменно царили жизнерадостное веселье и остроумие... конечно же, несколько притупляемые воспоминаниями о печальной и горькой судьбе, постигшей племянника покойного близкого друга гостеприимного хозяина.

В один прекрасный день сей благородный муж был приятно удивлен, получив следующее письмо:

Шат. Мар. А – № 1 —.

6 дюж. бутылок (1/2 гросса)

От К. Т. Б. и Ко.

Чарлзу Друггинсу, эскв., Гвалтвилл.

«Чарлзу Друггинсу, эсквайру

Дорогой сэръ!

В соответствии с заказом, полученным нашей фирмой около двух месяцев назад от нашего многоуважаемого заказчика мистера Барнабаса Челнокса, мы имеем честь выслать сегодня утром на Ваш адрес двойную коробку «Шато Марго» марки «Антилопа», с лиловой печатью. Номер и маркировка ящика соответствуют указанным на полях.

Всегда к Вашим услугам,

Искренне Ваши,

Крах, Трах, Бах и Ко.

Город такой-то, 21 июня, 18...

P.S. Ящик будет доставлен Вам фургоном на следующий день после получения Вами сего письма.

Наше почтение мистеру Челноксу,

К. Т. Б. и К^о.

Вообще-то после смерти мистера Челнокса мистер Друггинс оставил надежду получить обещанное «Шато Марго» и воспринимал это как своего рода испытание, ниспосланное ему судьбой. Поэтому нет ничего удивительного, что он до того обрадовался, что тут же пригласил большую компанию друзей на завтрашний *petit souper*⁴³, во время которого собирался вскрыть подарок старого доброго мистера Челнокса. Правда, имени «старого доброго мистера Челнокса» в приглашении не упоминалось, но это было осознанным решением, принятым после долгих, мучительных размышлений. Вообще-то, если мне не изменяет память, он никому не сказал, что получил «Шато Марго» в подарок. Он просто попросил друзей собраться, чтобы помочь ему прикончить несколько бутылочек отличного дорогого вина, которое он заказал в городе еще пару месяцев назад и которое завтра должны привезти. Я не раз пытался понять, что заставило «старину Чарли» принять решение не сообщать никому о том, что вино он получил от старого друга, но так и не смог понять причину его молчания. Впрочем, наверняка у него имелись на то самые веские основания, и поступок его был вызван самыми благородными побуждениями.

Наконец наступило завтра, и в доме мистера Друггинса собралось многочисленное и в высшей степени достойное общество. Можно сказать, там было полгорода (включая и меня самого), но, к великому раздражению хозяина приема, «Шато Марго» привезли очень поздно, когда великолепный ужин, приготовленный «старинной Чарли», уже был съеден и получил самые лестные отзывы гостей. Наконец вино прибыло – в огромном ящике, – и поскольку настроение у всех было преотменное, гости *peti.con.*⁴⁴ решили поднять ящик на стол и уже оттуда раздавать его содержимое.

Сказано – сделано. Мы взялись за ящик со всех сторон и вмиг водрузили его на стол, прямо посреди бутылок и стаканов, многие из которых при этом разбились. «Старина Чарли», который к тому времени и так уже был нетверд на ногах, с раскрасневшимся лицом уселся во главе стола, напустил на себя важный вид и несколько раз громыхнул перед собой графином, призывая собравшихся соблюдать порядок «во время церемонии извлечения сокровища».

Через какое-то время шум успокоился, был восстановлен порядок, и, как часто бывает в подобных случаях, в комнате повисла особенная напряженная тишина. Когда меня попросили вскрыть ящик, я, конечно же, отказываться не стал и «с превеликим удовольствием» приступил к делу. Я вставил стамеску, несколько раз не сильно ударил по ней молотком, и тут, совершенно

---

⁴³ Легкий ужин (*фр.*).

⁴⁴ Сокр. от *petine contradicente* – единогласно (*лат.*).

неожиданно, крышка ящика как будто сама собой отлетела в сторону и в тот же миг из него поднялся, принял сидячее положение лицом к хозяину истерзанный, окровавленный, почти разложившийся труп убитого мистера Челнокса. Несколько секунд он неподвижно и горестно смотрел гниющими безжизненными глазами прямо на мистера Друггинса, затем отчетливым, значительным голосом медленно произнес: «Ты еси муж, сотворивший сие!»⁴⁵ А потом, словно полностью удовлетворенный содеянным, перевалился через борт ящика, раскинул по столу руки и замер.

То, что последовало за этим, не поддается описанию. Люди бросились к окнам и дверям, многие из самых выдержанных мужчин от страха на месте лишились чувств. Но когда утихла первая волна безотчетного ужаса, все глаза устремились на мистера Друггинса. Проживи я и тысячу лет, все равно никогда мне не забыть эту жуткую, страшнее самой смерти, маску, в которую превратилось его сделавшееся совершенно белым лицо, совсем недавно алое от восторга и выпитого вина. Несколько минут он сидел совершенно неподвижно, словно высеченная из мрамора скульптура. Его бессмысленные глаза как будто были обращены внутрь и созерцали то, что происходило в глубине его жалкой кровожадной души. Потом в один миг они словно вывернулись наизнанку и устремили взгляд в наружный мир, он вскочил, повалился головой и плечами на стол рядом с трупом и сбивчиво, задыхаясь от волнения, подробно рассказал о содеянном им ужасном преступлении, за которое был заключен под стражу и приговорен к смерти мистер Пошл.

Коротко его рассказ можно свести к следующему: он проследил за своей жертвой до озера, там выстрелил в его лошадь из пистолета, рукояткой раскроил череп ее седоку, завладел его бумажником и, думая, что лошадь умерла, с большим трудом оттащил ее в заросли ежевики на болотистом берегу. Потом перебросил труп мистера Челнокса через спину своей лошади и отвез его подальше, где и спрятал в глухом месте в лесу.

Жилет, нож, бумажник и пулю он сам подбросил туда, где они были обнаружены. Это было сделано специально для того, чтобы отомстить мистеру Пошлу. Он же подстроил, чтобы были найдены окровавленная рубашка и шейный платок.

Под конец этого леденящего сердце повествования голос негодяя начал делаться тише и глуше. Когда были произнесены последние слова, он поднялся, отступил на шаг от стола и упал замертво.

Способ, которым удалось вырвать это своевременное признание, несмотря на свою действительность, был чрезвычайно прост. Чрезмерная искренность мистера Друггинса была мне отвратительна и возбудила подозрения с самого начала. Я был рядом, когда мистер Пошл ударил его, и то поистине дьявольское выражение, каким бы мимолетным оно ни было, не укрылось от моего внимания, и я понял, что его обещание отомстить будет исполнено, если такая возможность представится. Поэтому за маневрами «старины Чарли» я следил совсем не в том свете, что добрые жители Гвалтвилла. Я сразу обратил внимание на то, что все улики против мистера Пошла были обнаружены либо самим мистером Друггинсом, либо с его подачи. Однако тем, что действительно открыло мне глаза на суть происходящего, стала пуля, обнаруженная в теле мертвой лошади мистером Д. Я, в отличие от гвалтвиллцев, не забыл, что на груди несчастного животного было два отверстия, одно – где пуля вошла в тело, второе – где она из него вышла. Поэтому, когда пуля была обнаружена в лошади после того, как она покинула ее тело, для меня стало совершенно очевидным, что ее сунул туда тот человек, который ее и обнаружил. Окровавленные рубашка и шейный платок подтвердили версию, появившуюся у меня благодаря пуле, поскольку кровь на них на поверку оказалась всего лишь хорошим красным вином. Начав обдумывать все это, я вспомнил, как в последнее время мистер Друггинс

⁴⁵ Вторая книга Царств 12:7.

стал сорить деньгами, и мои подозрения усилились, несмотря на то что я все еще ни с кем ими не поделился.

Тем временем я организовал собственные тщательные поиски тела мистера Челнокса, которые, по достаточно веским соображениям, направил в места как можно более отдаленные от тех, куда мистер Друггинс завел свой отряд. Закончились они тем, что через несколько дней я наткнулся на старый высохший колодец, почти скрытый за кустами ежевики, на дне которого я и нашел то, что искал.

Мне случайно довелось услышать тот разговор двух друзей, когда мистер Друггинс ухитрился выудить у своего хозяина обещание подарить ему ящик «Шато Марго». На этом я и построил свой план. Я раздобыл упругий кусок китового уса, засунул его в горло трупа и поместил труп в старый ящик для вина, причем согнул тело так, чтобы китовый ус внутри него тоже согнулся пополам. При этом мне стоило больших трудов удерживать крышку на месте, пока я приколачивал ее к ящику. Конечно, я понимал, что, как только гвозди будут извлечены снова, крышка отлетит под напором распрямляющегося тела.

Приготовив таким образом ящик, я написал на нем адрес, поставил маркировку, упомянутую выше, написал письмо от имени виноторговца, с которым имел дела мистер Челнокс, и дал указания своему слуге по моему сигналу привезти ящик к дому мистера Друггинса. Ну а что касается слов, которые должен был произнести труп, тут уж я положился на свой талант чревовещателя, с их помощью я и рассчитывал вырвать у этого гнусного убийцы признание.

По-моему, объяснять больше нечего. Мистер Пошл был тут же отпущен, унаследовал дядюшкино состояние, усвоил полученный урок, перевернул страницу и начал новую счастливую жизнь.

Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета

Предисловие

Через несколько месяцев по возвращении в Соединенные Штаты после ряда удивительных приключений в морях к югу от экватора, а также в иных местах, рассказ о которых приведен на этих страницах, в Ричмонде случай свел меня с несколькими джентльменами, которые, весьма интересуясь всем, связанным с местами, в которых мне довелось побывать, начали убеждать меня опубликовать мой рассказ. Однако у меня имелось несколько причин не делать этого, как частного характера и не касающихся никого, кроме меня самого, так и не совсем частного. Одним из соображений, удерживавших меня от этого, было то, что, поскольку большую часть времени, проведенного в странствиях, журнала я не вел, меня одолевал страх, что я не смогу, полагаясь лишь на память, описать события достаточно подробно и связно, чтобы они были похожи на правду, не считая разве что естественных и неизбежных преувеличений, к которым склонны все мы при описании событий, поразивших наше воображение. Еще одной причиной явилось то, что события, о которых предстояло рассказывать, носили столь невероятный характер, что я, не имея свидетелей (кроме меня самого и еще лишь одного человека, да и тот индеец-полукровка), мог лишь надеяться на доверие со стороны родственников и тех моих друзей, которые знали меня всю жизнь и не имели оснований сомневаться в моей правдивости, тогда как широкая публика, вероятнее всего, сочла бы мою историю бесстыдной и изобретательной выдумкой. Тем не менее неверие в собственные писательские силы было одной из основных причин, удержавших меня от того, чтобы выполнить просьбу моих советников.

Среди тех джентльменов из Виргинии, которые особенно заинтересовались моим рассказом, и в особенности той его частью, которая имела касательство к Антарктическому океану, был мистер По, незадолго до того ставший редактором «Южного литературного вестника», ежемесячного журнала, издаваемого мистером Томасом У. Уайтом в Ричмонде. Он настоятельно рекомендовал мне среди прочего не медля составить полный отчет о том, что я увидел и пережил, и довериться проницательности и здравомыслию читающей публики, весьма авторитетно при этом убеждая меня, что, каким бы несовершенным с точки зрения стиля ни получилось мое сочинение, именно благодаря недочетам, ежели такие будут, оно будет скорее воспринято как правдивое.

Несмотря на это утверждение, я не решился сделать то, о чем он просил. Позже, поняв, что я в этом вопросе непоколебим, он попросил меня разрешить ему самому написать, как он выразился, «повествование» о ранней части моих приключений на основании фактов, предоставленных мною, и опубликовать его в «Вестнике» *под видом художественного произведения*. На это, не найдя возражений, я согласился, с тем лишь условием, что мое истинное имя должно остаться в тайне. Две написанные им части вышли в январском и февральском номерах «Вестника» (1837), и для того, чтобы достичь еще большего сходства с художественным произведением, в содержании журнала было указано имя мистера По.

То, как была воспринята эта уловка, побудило меня наконец предпринять систематическую публикацию данных приключений, ибо я обнаружил, что, несмотря на сказочный флер, столь искусно наброшенный на ту часть рассказа, которая появилась в «Вестнике» (где тем не менее не был искажен ни один факт), читатель вовсе не был склонен воспринимать его как вымысел, и на адрес мистера По даже пришло несколько писем, в которых выражалась твердая

уверенность в обратном. Исходя из этого, я пришел к выводу, что факты моего повествования по природе своей содержат достаточно свидетельств их подлинности, и, следовательно, мне нечего бояться всеобщего недоверия.

После этого ехposé сразу становится понятно, какая часть нижеизложенного принадлежит моему перу. Необходимо также еще раз напомнить, что на тех нескольких страницах, которые были написаны мистером По, ни один факт не был перевран. Даже для тех читателей, которым не попадался на глаза «Вестник», нет необходимости указывать, где заканчивается его часть и начинается моя; разницу в стиле письма невозможно не заметить.

А. Г. ПИМ

1

Меня зовут Артур Гордон Пим. Мой отец был уважаемым торговцем морскими товарами в Нантакете, где я и родился. Мой дед по материнской линии был стряпчим и имел неплохую практику. Удача сопутствовала ему во всем, и он весьма успешно вложился в акции Эдгартонского Нового банка, как он прежде назывался. Этим и другими способами он сумел собрать приличную сумму. Думаю, ко мне он был привязан более, чем к любому другому человеку в этом мире, и я ожидал, что после смерти деда мне отойдет большая часть его имущества. В шесть лет он отправил меня в школу старого мистера Рикетса, джентльмена с одной рукой и эксцентричными манерами. Любому, кто бывал в Нью-Бедфорде, он хорошо известен. В школе я оставался, пока мне не исполнилось шестнадцать, а после поступил в школу Э. Рональда, что на холме. Там я сошелся с сыном мистера Барнарда, капитана, плававшего на судах Ллойда и Вреденберга. Мистер Барнард тоже хорошо известен в Нью-Бедфорде и, не сомневаюсь, имеет много родственников в Эдгартоне. Его сына звали Август, и был он почти на два года старше меня. Однажды он плавал с отцом на китобойном судне «Джон Дональдсон» и часто рассказывал мне о своих приключениях в южной части Тихого океана. Не раз я ходил к нему домой и оставался там на весь день, а то и ночь. Мы ложились в кровать, и он почти до зари занимал меня рассказами об аборигенах острова Тиниан и других мест, в которых он побывал за время своих путешествий. Я не мог не увлечься его рассказами, и со временем моим самым большим желанием стало пойти в плавание. Примерно за семьдесят пять долларов я купил парусную лодку, которая называлась «Ариэль», с небольшой каютой, оснащенную как шлюп. Я забыл ее грузоподъемность, но человек десять могли разместиться в ней довольно свободно. Со временем у нас вошло в привычку устраивать на ней отчаяннейшие безрассудства, и теперь, вспоминая о них, мне представляется величайшим чудом то, что я до сих пор жив.

Об одном из таких приключений я расскажу, прежде чем приступить к более пространному и важному повествованию. Однажды мистер Барнард устроил у себя дома вечеринку, и под конец мы с Августом порядком захмелели. Как обычно бывало в таких случаях, я не пошел домой, а остался у него ночевать. Так и не заговорив на свою любимую тему, он, как показалось мне, заснул (вечеринка закончилась около часу ночи). Спустя примерно полчаса, когда я только начал дремать, он вдруг сел и, выкрикнув ужасное ругательство, сказал, что никакой Артур Пим не заставит его заснуть, когда с юго-запада дует такой восхитительный бриз. Удивлению моему не было предела. Не зная, что он задумал, я решил, что выпитое вино и другие напитки несколько повредили его разум. Однако говорил он очень рассудительно и заявил, что, несмотря на то что я считаю его пьяным, на самом деле он совершенно трезв и ему просто надоело в такую чудесную ночь валяться в кровати, подобно ленивому псу, и что он собирается одеться и совершить вылазку на лодке. Не знаю, что на меня нашло, но, услышав это, я пришел в восторг, предвкушая невероятное удовольствие. Его безумная затея показалась мне едва ли не самой занятой и благоразумной на свете. В ту ночь дул сильный, почти штормовой ветер и было очень холодно – дело было в конце октября. Я вскочил с кровати, охваченный странным возбуждением, и сказал, что так же отважен, как он, и мне не меньше, чем ему, надоело валяться в кровати, как ленивому псу, и что я готов к веселью и проказам, как и Август Барнард из Нантакета.

Не теряя времени, мы оделись и поспешили к лодке. Она стояла у старого гнилого причала рядом со складом пиломатериалов «Пэнки и Ко», упираясь боком в бревна. Август забрался в нее и начал вычерпывать воду – лодка была наполовину затоплена. Когда с этим было покончено, мы, подняв стаксель и грот, храбро вышли в море.

Как я уже сказал, с юго-запада дул сильный ветер. Ночь была ясная и холодная. Август стал у руля, а я расположился у мачты на палубе. Мы неслись с огромной скоростью, и никто

не произнес ни слова после того, как мы отчалили. Я спросил своего спутника, какой курс он собирается взять и когда мы вернемся домой. Несколько минут он насвистывал, а потом с раздражением произнес:

– Я иду в море, а *ты*, если хочешь, можешь возвращаться.

Посмотрев на него, я понял, что, несмотря на кажущееся *безразличие*, он чрезвычайно возбужден. В лунном свете лицо его казалось бледнее мрамора, руки дрожали так, что он с трудом удерживал румпель. Я понял, что случилось что-то непредвиденное, и меня охватило сильнейшее волнение. В то время я мало что знал об управлении лодкой и поэтому вынужден был полагаться исключительно на навигационные способности моего друга. Ветер внезапно усилился, и мы стремительно отдалялись от берега, но мне было стыдно признаться в своих страхах и почти полчаса я упорно хранил молчание. Но потом я не выдержал и сказал Августу, что нам стоит вернуться. Как и в прошлый раз, прошла почти минута, прежде чем он ответил мне.

– Скоро, – наконец сказал он. – Время еще есть... Скоро повернем.

Подобного ответа я ожидал, но что-то в его тоне заставило меня похолодеть от ужаса. Я внимательно посмотрел на спутника. Губы его посерели, а колени дрожали так сильно, что он, казалось, едва держался на ногах.

– Господи боже, Август! – закричал я, уже не скрывая страха. – Что с тобой? Что случилось? Что ты собираешься делать?

– Случилось? – пробормотал он с величайшим изумлением, отпустив румпель, и вдруг повалился на дно лодки. – Случилось... Ничего не... случилось... плывем домой... р-разве н-не видишь?

Тут меня осенило. Я бросился к другу и поднял его. Он был пьян, мертвецки пьян, пьян так, что уже не мог ни стоять, ни говорить, ни смотреть. Глаза его совершенно остекленели, а когда я, охваченный отчаянием, отпустил его, он упал и, как бревно, скатился в воду на дне лодки. Я понял, что в тот вечер он выпил гораздо больше, чем я думал, и его поведение объяснялось крайней степенью опьянения, состояния, которое, как и безумие, часто заставляет жертву имитировать поведение совершенно нормального, владеющего собой человека. Однако прохладный ночной воздух сделал свое дело, возбуждение начало спадать, и то, что Август, несомненно, не осознавал всю опасность нашего положения, приблизило катастрофу. Он перестал что-либо понимать, и надежды на то, что он протрезвеет в ближайшее время, не было.

Вряд ли можно описать ужас, охвативший меня. Хмель улетучился, отчего я вдвойне оробел и растерялся. Я прекрасно понимал, что не справлюсь с лодкой и что яростный ветер вместе с отливом неотвратимо влекут нас навстречу смерти. Буря набирала силу. У нас не было ни компаса, ни еды, и стало понятно, что, продолжай мы идти тем же курсом, к рассвету земли уже не будет видно. Эти мысли и масса других, не менее пугающих, пронеслись у меня в голове с удивительной быстротой и на какое-то время совершенно парализовали волю. Лодка с чудовищной скоростью, то и дело зарываясь носом в пену, мчалась по волнам, ни на стакселе, ни на гроте рифы не были взяты. Каким-то чудом вышло так, что мы не повернулись к волнам боком, ведь, как я уже сказал, Август отпустил руль, а я от волнения не подумал его взять. К счастью, лодка шла ровно, и ко мне постепенно начала возвращаться способность мыслить. Но ветер становился все сильнее, и каждый раз, когда лодка, нырнув носом, поднималась, волны захлестывали корму. Я окоченел так, что почти перестал чувствовать собственное тело. Наконец отчаяние придало мне решимости, я бросился к гроту и сорвал его. Как и следовало ожидать, парус перелетел через борт и, набравшись воды, сорвал мачту, едва не разбив борт. Одно это происшествие спасло лодку от мгновенного разрушения. Теперь лодка под одним стакселем летела вперед по ветру, время от времени погружаясь носом в бушующие волны, но ужаса перед немедленной смертью я уже не испытывал. Взяв руль, я вздохнул свободнее, поскольку сообразил, что шанс на спасение еще есть. Бесчувственный Август, лежавший на дне лодки,

мог в любую минуту захлебнуться, потому что воды уже собралось на фут. Я исхитрился приподнять товарища и придать ему сидячее положение, для чего обвязал его вокруг талии веревкой, конец которой прикрепил к рым-болту на палубе. Сделав все, что было в моих силах, я, замерзший и дрожащий от волнения, отдался на милость Божию и решил встретить судьбу, собрав все свое мужество.

Вдруг громкий, протяжный не то крик, не то вопль, как будто исторгнувшийся из глоток тысячи демонов, казалось, заполнил воздух вокруг лодки. Пока я жив, не забуду ужаса, охватившего меня в тот миг. Волосы встали дыбом у меня на голове, кровь застыла в жилах, а сердце остановилось. Так и не подняв взгляда, чтобы определить источник звука, я повалился ничком на безжизненно лежащего товарища.

Очнулся я в каюте большого китобойного судна «Пингвин», шедшего в Нантакет. Надо мной стояли несколько человек. Август, бледный как смерть, усердно растирал мне руки. Увидев, что я открыл глаза, он вздохнул с таким облегчением и радостью, что вызвал смех и слезы у грубоватых с виду мужчин. Загадка нашего спасения вскоре выяснилась. Мы столкнулись с китобойным судном, шедшим под всеми парусами, которые они отважились поднять, в Нантакет под прямым углом к нашему курсу. Несколько человек следили за морем, но ни один из них не замечал нашей лодки до последнего, когда избежать столкновения было уже невозможно. Это их крики так испугали меня. Мне рассказали, что громадное судно переехало нас, как наше суденышко переехало бы перышко, даже не почувствовав помехи. Ни единого возгласа не донеслось с нашей палубы, лишь какой-то слабый скрежещущий звук примешался к реву ветра и моря, когда подмятый хрупкий парусник протащило вдоль киля его погубителя. Посчитав нашу лодку (которая, напомним, лишилась мачты) какой-то старой брошенной посудиной, капитан китобойного судна (капитан Э. Т. В. Блок из Нью-Лондона), особо не задумываясь о случившемся, решил продолжать движение по курсу. К счастью, двое вахтенных, готовых поклясться, что видели кого-то у руля, предположили, что его еще можно спасти. В разгоревшемся споре Блок рассвирепел и заявил, что «не обязан следить за каждой скорлупкой, болтающейся в море», что «корабль не станет из-за такой ерунды останавливаться» и что «если там и был кто, он сам виноват, и никто больше, так что пусть идет на дно, и дело с концом» или что-то в этом духе. Хендерсон, первый помощник, который тоже подключился к разговору, был возмущен, как и весь экипаж, подобными речами, выдающими всю степень бессердечия и жестокости капитана. Чувствуя поддержку матросов, он прямо сказал капитану, что его стоило бы вздернуть на рее и что он отказывается выполнять его команды, пусть даже его отправят на виселицу, как только он сойдет на берег. После этого он направился на корму, оттолкнув побледневшего, но хранившего молчание капитана, и, схватив штурвал, твердо командовал: «К повороту!» Матросы разбежались по местам, и судно сделало крутой поворот. Все это заняло не более пяти минут, и казалось вряд ли возможным, что человек или люди с лодки могли выжить, если допустить, что там вообще кто-нибудь был. Однако, как видит читатель, я и Август остались живы, и почти невероятное спасение наше стало возможным благодаря счастливому стечению обстоятельств, которое люди мудрые и благочестивые приписывают особому вмешательству Провидения.

Пока судно продолжало разворот, старший помощник приказал опустить шлюпку и прыгнул в нее с теми самыми двумя вахтенными, я думаю, которые утверждали, что видели меня у штурвала. Едва они отплыли от кормы – луна по-прежнему светила ярко, – судно сильно накренило по ветру, и в тот же миг Хендерсон, привстав с банки, закричал гребцам, чтобы те табанили. Он ничего не объяснил, только повторял нетерпеливо: «Табань! Табань!» Матросы принялись изо всех сил грести в обратную сторону, но к этому времени судно уже успело развернуться и на полной скорости двинулось вперед, хотя все матросы прикладывали огромные усилия, чтобы убрать паруса. Как только шлюпка приблизилась к кораблю, старший помощ-

ник, не думая об опасности, ухватился за вант-путенсы⁴⁶. Тут судно опять сильно накренилось, обнажив правый борт почти до киля, и причина волнения первого помощника стала понятна. На гладком блестящем днище («Пингвин» был обшит медными листами, скрепленными медными болтами) каким-то невероятным образом держалось человеческое тело, с силой бившееся об него при каждом движении корпуса. После нескольких безуспешных попыток, предпринятых во время наклонов судна, едва не потопив шлюпку, они в конце концов подняли меня на борт, ибо это был именно я. Похоже, что какой-то сдвинувшийся и вышедший из медной обшивки крепежный болт задержал меня, когда я оказался под кораблем, и закрепил в совершенно невообразимой позе на днище. Конец болта пробил воротник моей зеленой суконной куртки и вышел через заднюю часть шеи между двумя сухожилиями под правым ухом. Меня сразу уложили на койку, хотя признаков жизни я не подавал. Хирурга на борту не было, но капитан принялся обхаживать меня с величайшим вниманием, думаю, для того, чтобы искупить вину в глазах команды за свое поведение.

Тем временем Хендерсон снова покинул корабль, хотя ветер уже превратился в настоящий ураган. Через несколько минут он наткнулся на обломки нашей лодки, а вскоре после этого один из его людей сказал, что сквозь рев бури слышал прерывистые крики о помощи. Это заставило отважных моряков продолжать поиски еще более получаса, несмотря на то что капитан Блок все время подавал им сигналы вернуться, а каждое мгновение, проведенное на воде в столь хрупкой шлюпке, грозило им неотвратимой гибелью. Действительно непонятно, как такое маленькое суденышко вообще сумело удержаться на плаву. Впрочем, шлюпка эта предназначалась для нужд китобоев, и поэтому, как я потом узнал, была оснащена воздушными ящиками, как некоторые спасательные шлюпки, которыми пользуются у берегов Уэльса.

После бесплодных поисков, продолжавшихся указанное время, было решено возвращаться на корабль. И едва они собрались это сделать, со стороны быстро проплывавшего мимо темного объекта послышался слабый крик. Они бросились за ним и вскоре догнали. Выяснилось, что это палуба, служившая крышей каюты на «Ариэле». Август явно из последних сил барахтался в воде рядом с ней. Когда его поймали, оказалось, что он привязан веревкой к куску дерева. Напомню, что я сам обвязал его этой веревкой и закрепил на рым-болте, чтобы придать ему сидячее положение, чем, судя по всему, спас жизнь своему товарищу. «Ариэль» была легкой лодкой, сработанной не особенно добротно, и потому, оказавшись под водой, естественно, развалилась на куски. Настил палубы, как и следовало ожидать, сорвало хлынувшей внутрь водой, и тот, несомненно, с другими обломками всплыл на поверхность вместе с привязанным к нему Августом, который благодаря этому избежал страшной смерти.

Прошло больше часа после того, как Августа подняли на борт «Пингвина», прежде чем он очнулся. Услышав, что случилось с нашей лодкой, он пришел в страшное волнение и рассказал об ощущениях, которые испытал в воде. Придя в сознание, он понял, что, кружась с невообразимой скоростью, уходит под воду, а веревка крепко обмотана три-четыре раза вокруг его шеи. В следующую секунду он почувствовал, что его стремительно потащило вверх, но сильно ударился головой обо что-то твердое и снова лишился чувств. Очнувшись, соображал он уже лучше, хотя сознание его все еще было затуманено, а мысли путались. Теперь Август понимал, что произошел несчастный случай и что он оказался в воде, хотя рот его находился над поверхностью воды, что давало ему возможность свободно дышать. Вероятно, именно тогда оказавшаяся рядом палуба увлекла его за собой. Конечно, пока он мог удерживаться в таком положении, утонуть ему было почти невозможно. Через какое-то время огромная волна зашвырнула его на палубу, и, уцепившись за нее, он стал звать на помощь. Перед тем как его нашел мистер Хендерсон, из-за полного истощения сил он перестал держаться, упал в воду и приготовился к смерти. За все время борьбы он ни разу не вспомнил ни про «Ариэль», ни про обстоятель-

⁴⁶ Металлические полосы, стержни или цепи, проходящие снаружи борта парусного судна.

ства, приведшие к этому бедствию. Его умом безраздельно завладели отчаяние и страх. Когда беднягу наконец вытащили из воды, силы покинули его окончательно, и, как уже было сказано, прошло не меньше часа, прежде чем он осознал, в каком положении находится. Меня же вырвали из состояния, очень близкого к смерти (и после того, как в течение трех с половиной часов были перепробованы все другие способы), энергичным растиранием кусками материи, смоченной в горячем масле, – способом, предложенным Августом. Рана у меня на шее, хоть и имела уродливый вид, оказалась несерьезной, и я вскоре полностью оправился от ее последствий.

«Пингвин» прибыл к порту назначения около девяти часов утра после встречи с одним из самых яростных штормов, когда-либо бушевавших у Нантакета. Мы с Августом успели вернуться в дом мистера Барнарда к завтраку, который, к счастью, начался чуть позже из-за ночной гулянки. Я думаю, все за столом были сами слишком утомлены, чтобы обратить внимание на наш изможденный вид. Конечно, при других обстоятельствах это бросилось бы в глаза. Школьники способны творить чудеса, когда нужно кого-то провести, и я убежден: ни один из наших друзей в Нантакете даже не подозревал, что страшные рассказы моряков о том, как они в шторм налетели на какое-то судно и отправили на дно тридцать – сорок несчастных душ, имели отношение к «Ариэлю», Августу или ко мне. Мы с ним довольно часто вспоминали это происшествие, и всегда не без содрогания. Август честно признался, что в жизни не испытывал такого смятения, как на борту нашего суденышка, когда впервые осознал, насколько пьян, и почувствовал, что начинает терять контроль над собой.

2

По совершенно разным причинам мы не способны извлекать уроки даже из самых очевидных вещей. Казалось бы, катастрофа, о которой я только что рассказал, должна была охладить мою зарождающуюся страсть к морю, но тщетно. Еще никогда меня так не тянуло к полным опасностей приключениям, присущим жизни мореплавателя, чем в первую неделю после нашего чудесного спасения. Этого короткого промежутка времени оказалось достаточно, чтобы стереть из моей памяти темные краски и ярко высветить все восхитительные цветные пятна, всю живописность недавнего смертельно опасного приключения. Беседы с Августом день ото дня становились все более частыми и захватывающими. Его манера преподносить рассказы об океане (добрая половина которых, как я теперь подозреваю, была попросту выдуманна) находила отклик в моей душе и несколько мрачном, хоть и живом воображении. Странно и то, что желание изведать морской жизни делалось особенно настойчивым, когда он приводил самые страшные примеры страданий и отчаяния. Светлая сторона общей картины мало меня занимала. Я рисовал себе кораблекрушения и голод; смерть и неволю среди варварских племен; жизнь, проведенную в горе и слезах на какой-нибудь одинокой скале посреди океана, труднодоступной и не нанесенной на карты. Впоследствии меня уверяли, что подобные видения или желания – ибо они превращаются в таковые – обычное дело для всей многочисленной расы меланхоличных людей, но в то время, о котором идет речь, я воспринимал их как первые знаки уготованной мне судьбы. Август проникся моим настроением, и вполне вероятно, что наше тесное общение и общность взглядов привели к тому, что ему передалось что-то от моего характера, а мне – от его.

Примерно через полтора года после крушения «Ариэля» фирма Ллойда и Вреденберга (заведение, насколько мне известно, каким-то образом связанное с господами Эндерби из Ливерпуля) занялась починкой и оснащением брига «Косатка» для охоты на китов. Это была старая посудина, едва ли годная для плавания, даже после того, как с ней сделали все, что было возможно. Я не знаю, почему ее предпочли другим хорошим судам, имевшимся в распоряжении у тех же хозяев. Мистер Барнард был назначен капитаном, и Август собирался плыть с ним. Пока бриг готовили к выходу в море, Август твердил, что появилась превосходная возможность удовлетворить мое желание отправиться в путешествие. Во мне он нашел весьма благодарного слушателя, однако устроить это было не так-то просто. Мой отец прямо не возражал, а вот у матери случилась истерика от одного упоминания о наших намерениях. Но хуже всего дед, на которого я возлагал такие надежды. Он поклялся, что оставит меня без гроша, если я об этом хотя бы заикнусь. Однако эти трудности не уменьшили мое желание отправиться в плавание, а лишь подлили масла в огонь. Я вознамерился добиться своего любой ценой, и, когда сообщил о своем решении Августу, мы вместе начали думать, как этого добиться. С родственниками о предстоящем плавании я не разговаривал, и, поскольку усердно занялся учебой, было решено, что я отступился от своих планов. Я много думал о том, как вел себя тогда, и поведение мое вызывало у меня чувство неудовольствия и удивления. Грандиозная ложь, к которой я прибег для осуществления своего прожекта – ложь, которой были исполнены каждое мое слово, каждый поступок, – может быть хоть как-то оправдана лишь безумными надеждами, какие я возлагал на исполнение давно лелеемой мечты о путешествиях.

Мне во многом приходилось полагаться на Августа, который каждый день с утра до вечера пропадал на «Косатке», помогая отцу обустроить каюту. Однако по ночам мы обсуждали наши планы. После почти месяца безуспешных попыток все организовать он наконец сообщил мне, что все продумал. В Нью-Бедфорде у меня жил родственник, некто мистер Росс, в доме которого я, бывало, гостил по две-три недели. Бриг должен был выйти в плавание в середине июня (июня 1827 года), и было решено, что за день-два до того мой отец должен

будет получить записку от мистера Росса с просьбой разрешить мне поехать к нему и провести две недели с Робертом и Эмметом (его сыновьями). Сочинить и доставить записку моему отцу взялся Август. Я должен был, сделав вид, что ему нужно в Нью-Бедфорд, присоединиться к своему товарищу, который приготовит для меня тайник на «Косатке». Тайник этот, уверял он меня, будет достаточно удобен, чтобы провести в нем несколько дней. Когда бриг отойдет от берега так далеко, что уже не станет возвращаться без крайней необходимости, я переберусь в удобную каюту, а что до его отца, так тот только посмеется над такой шуткой. В море нам наверняка встретится какое-нибудь судно, с которым можно будет послать моим родителям письмо с объяснениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.